

Игорь Бобров

**ТОРЖЕСТВУЙ,
РОССИЯ!**

История шестая

**ДВОРЯНИН
В ЕВРЕЙСТВЕ**

2020

Однажды, совершенно случайно, в великой стране под названием Россия оказался магический доллар, доллар исполнения желаний. Путешествуя из рук в руки, он исполняет сокровенные желания своих владельцев, иногда совершенно необычные или даже нелепые. И это полностью изменяет жизнь героев наших историй.

Эта книга не о политике и не о магии. Эта книга о нас с вами. О наших мечтах и желаниях. О том, какими странными они иногда бывают. Кого-то истории из этой книги заставят просто улыбнуться, кто-то будет переживать вместе с героями, а кто-то и задумается. Задумается о том, есть ли у него настоящая мечта. Та, которую мог бы исполнить тот самый магический доллар, доллар исполнения желаний. Ведь без мечты жизнь пустая и скучная.

Все совпадения с реальными событиями и персонажами случайны.

Вадим Царедворский был гордостью своих родителей. Умный и хорошо воспитанный, он всегда обращал на себя внимание утонченными манерами и особым собственным взглядом на все происходящее. Школьные предметы давались ему легко, без особых усилий. Вадим участвовал в различных олимпиадах и считался одним из лучших учеников школы.

Единственным предметом, который не давался Вадиму, была физкультура. Долговязый, слегка сутулый, он никак не мог одолеть деревянного коня и с трудом подтягивался на турнике пару раз. Учитель физкультуры ворчал, но снисходительно ставил этому нелепому юноше четверки, справедливо полагая, что у каждого свои таланты.

Единственный сын вполне успешных и интеллигентных родителей, Вадик с детства жил вполне обеспеченной жизнью в прекрасном городе Ленинграде. Папа, ученый физик, доктор наук, без пяти минут академик, руководил лабораторией в одном из Ленинградских НИИ. Мама, утонченная интеллигентная дама, вращалась в литературных кругах. Когда-то она сама пыталась писать повести и романы, но творения у нее получались слишком красивыми и надуманными. Так, слесарь завода «Большевик» витиевато рассуждал о роли Маяковского в истории революционного движения, а его подруга, простая ткачиха, ночами читала ему стихи Есенина и Пастернака.

«Какой, к чертям, Пастернак, о плане он должен думать, о плане, — говорила ей подруга, редактор толстого литературного журнала, — и вообще, не пиши о том, чего не знаешь».

Вот тогда и появился на свет толстый трехтомный роман о жизни интеллигенции в России. Роман коллегами был признан талантливый, но высокая партийная

комиссия посчитала его аполитичным и в печать не пустила. Мама Вадика со слезами на глазах положила его на дальнюю полку и ушла в литературные критики. Свои литературоведческие статьи писала она в присущей ей манере, мягко и тактично, и писатели, особенно молодые, очень ее за это уважали.

Семейный спор между физиками и лириками в семье Царедворских о будущем отпрыска закончился победой практичного отца-физика, и Вадик поступил в Ленинградский политехнический институт.

Будущее Вадима казалось предсказуемым и безоблачным: институт, аспирантура, карьера ученого физика. Отец уже заранее подготовил сыну место в своем НИИ и даже определил тему для будущей диссертации.

Еще с ними жила бабушка Рита. Бабушке недавно исполнилось шестьдесят, но ее энергии и здоровью могли позавидовать многие молодые, а потому бабушка категорически требовала, чтобы ее в семье называли просто Рита. Небольшого роста, худощавая от природы, Рита большую часть времени проживала на семейной даче недалеко от города, где у нее было оборудованное по всем правилам хозяйство. Яблочный садик, клубничные грядки, парочка теплиц. В последнее время Рита занялась выращиванием цветов, которые она удачно продавала на ближайшем рынке или в аэропорту Пулково, расположенном совсем недалеко от дачи.

Перестройка, развал Союза и экономический кризис, конечно, повлияли на жизнь семьи. Политические взгляды разошлись. Вадим ратовал за перемены и Ельцина, родители — за Советский Союз и социализм, а блокадница Рита вообще была против любой власти, за истинный коммунизм без денег и лишних тряпок.

Рита прожила очень тяжелую жизнь. Чудом пережив блокаду, потеряв в войну родителей, она вышла замуж по

большой любви за красавца морского офицера и родила дочь — маму Вадика. Но внезапно потеряла мужа, который простудился во время боевого похода и умер от воспаления легких. Замуж больше не вышла, дочь вырастила красавицей и умницей и в единственном внуке Вадике души не чаяла.

Времена после развала Союза в науке наступили трудные, но государство выборочно поддерживало ученый люд, институт отца попал в список приоритетных, зарплату кое-как платили. В семье считали, что это временные трудности и их надо пережить.

Все было бы хорошо, но мамины литературные гены у Вадика рвались наружу. На первом курсе института, между делом, он написал рассказ о сложной жизни студенчества в постперестроечные времена. Благодаря маминым связям, рассказ напечатали в литературном журнале. Окрыленный успехом, Вадик на одном дыхании написал небольшую повесть о сложной любви студентки-провинциалки и парня из золотой питерской молодежи. Мама снова подсуетилась, и повесть напечатали в том же журнале. Вадим получил небольшой, но настоящий гонорар, удивленное уважение своих товарищей студентов и прозвище — «писатель». С тех пор его жизнь изменилась, он нашел у себя талант и стал творить. Он писал очерки, рассказы, повести. Надо отдать должное, — Вадик действительно владел словом. Воспитанный в интеллигентной творческой семье, он всегда очень много читал. Читал русскую и зарубежную классику и книги авторов, возвращенных читателям перестройкой, — Набокова, Булгакова, Платонова, Солженицына. У него действительно был определенный талант и даже собственный писательский стиль, но, чтобы книги были интересны читателю, надо иметь или жизненный опыт, или хорошую фантазию. Ни того, ни другого у

девятнадцатилетнего Вадика пока не было. Его герои ходили туда-сюда, умненько рассуждали о политике, истории и искусстве и больше ничего толком в жизни не делали. Он писал днями и ночами, похудел, почти не спал. К тому времени подругу матери в литературном журнале сменил новый редактор, некто Иван Иванович Борщов. Всегда потный, лысый, с огромным животом, который едва умещался между креслом и столом, Борщов наотрез отказывался печатать творения Вадика. Другие издатели тоже не жаловали студенческие истории. Новому времени требовались новые литературные герои — менты, бандиты, олигархи.

Единственным безусловным почитателем писательского таланта Вадика оставалась мама.

— Когда-нибудь они поумнеют и поймут, какого гениального писателя они отказывались печатать, — говорила мама.

— Может быть, но жить в это время прекрасное уже не придется, ни мне, ни тебе, — говорил приземленный, но тоже не чуждый русской классике отец.

Но однажды Борщов вдруг сам предложил Вадика поучаствовать в конкурсе, который объявило недавно открывшееся Петербургское Дворянское Собрание. Оказалось, что Борщов имел дворянские корни, постоянно участвовал во всех мероприятиях Собрания и его даже назначили членом литературной комиссии. На следующий день Вадик пришел в штаб-квартиру Петербургского Дворянского Собрания. Милая интеллигентная дама постбальзаковского возраста выдала ему условия конкурса, напечатанные на двух страничках убористым текстом. Заграничный спонсор-издатель обещал авторам-победителям выплатить солидные премии. За первое место — пятьдесят тысяч долларов, за второе — тридцать и за третье — десять.

Кроме того, произведения планировалось издать для продажи в России и за рубежом. Срок подачи произведений на конкурс пока не регламентировался.

«Целых пятьдесят тысяч долларов! Огромные деньги, за которые можно купить трехкомнатную квартиру! Слава, известность — все сразу!» — Вадик понял, что это его шанс, и он должен, просто обязан победить.

Единственной проблемой оказалось то, что на конкурс принимались только большие серьезные романы о жизни дворянства в России после революции. Такого романа у Вадика не было, но на полке пылился эпохальный роман о жизни интеллигенции, написанный матерью. Мама радостно согласилась передать свое произведение сыну, и они вместе принялись за его переделку. Герои романа из простых советских интеллигентов превратились в бывших дворян, князей и графов. Они все также ходили из угла в угол, ничего толком не делали, пространно и витиевато рассуждали о месте русской интеллигенции в обществе, но теперь они называли друг друга не иначе как «Ваше благородие», «Ваше высочество» и «Ваша светлость». Советская власть же всячески их притесняла. Одного героя Вадик за его дворянское прошлое отправил в сталинские лагеря. При этом, не мудрствуя лукаво, при описании лагерной жизни просто передрал несколько страниц из известной повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича», другого героя власти объявили диссидентом и после длительной борьбы с КГБ и отсидки в психушке выслали из страны. Коммунисты и комсомольцы непрерывно клеймили дворян позором, простой народ им сочувствовал. Роман забирал все время и мысли. Литературная деятельность никак не сочеталась со скучной высшей математикой и сопроматом. В общем, очередную сессию будущий писатель благополучно завалил. Только получил

извещение об отчислении из института, Вадим понял, что это не просто конец его научной карьеры, о которой мечтал отец, но и близкая перспектива загреметь в армию. В воздухе отчетливо запахло сапожной ваксой и серой солдатской кашей. Родителям сказать об отчислении было страшно, отец и так всегда говорил, что не доведет его до добра это никчемное писательство и предупреждал, что «отмазывать» нерадивого сынка от армии не будет.

«Выиграю конкурс, получу премию, за такие деньжищи не только белый билет, а все что угодно купить можно», — решил Вадик.

Наконец он отнес перепечатанное творение на дворянский суд. Милая интеллигентная дама, благосклонно улыбаясь, приняла роман, выдала Вадиму расписку и предложила молодому симпатичному писателю чашечку чая. За чаем она, под великим секретом, поведала Вадику, что учитывая пожелание Великой Княгини Марии Владимировны Романовой, которая Собранием признается единственной законной наследницей дома Романовых, предпочтения будут отдаваться писателям-дворянам, членам Дворянского Собрания. А пожелание Великой Княгини для комиссии, конечно, носят обязательный характер.

— Но я ведь Царедворский, — вскричал Вадим. — Мои предки обязательно должны быть дворянами. Я прошу немедленно принять меня в Собрание. Я ведь не какой-нибудь Борщов, я — Царедворский!

— Все не так просто, — ответила милая дама, — существует реестр дворянских фамилий, составленный еще императором Павлом и там вашей фамилии нет. А вот Борщовы есть. Кроме того, Иван Иванович представил выписку из церковно-приходской книги, где его прадедушка при рождении записан как дворянин, а

также грамоты и награды, пожалованные его предку самим императором Николаем Вторым. Поэтому, если у вас в семейном архиве есть какие-нибудь документы, подтверждающие ваше дворянство, мы рады будем их рассмотреть и принять начинающего талантливового писателя в почетные ряды Дворянского Собрания.

Дома Вадик долго крутился перед зеркалом.

«Ну конечно, я — дворянин, — думал он, — гордый профиль, царская осанка. Не хватает только смокинга и бабочки. А Борщов? Толстый, лысый, всегда потный. Ну и кто из нас достоин дворянского титула и больше похож на дворянина?»

Вадик начинал тихо ненавидеть Борщова. Мало того, что тот не хотел печатать его рассказы, но еще и во дворянство раньше него влез. Старый лысый козел!

Мама, как всегда, витала в облаках.

— Конечно, ты достоин дворянского титула. Я убеждена, что твой прадедушка был князь или граф! — говорила она. — Просто все документы утеряны. Мы попросим папу, он поднимет все свои связи и что-нибудь придумает.

Пришедший с работы отец внимательно выслушал своего нерадивового сына.

— Ерунда это все! Никаких дворянских корней у нас, конечно, нет! — отрезал он. — Отец мой, твой дед, как ты знаешь, проживает в Саратове. Там и я родился, там все мои корни. В Ленинград я приехал учиться уже после войны. Про своего деда знаю только, что был у него большой дом и хозяйство, за что его и раскулачили, но сослать не сослали, так он и остался жить в Саратове. Кстати, неплохо бы к отцу моему, твоему деду съездить. Проведать старика. Заодно и про дворянство свое все выяснишь.

«С предками отца все ясно. То есть, пока ничего не ясно, — размышлял Вадик. — Но ведь есть еще предки по линии матери».

По линии матери у Вадика одна бабушка — Маргарита.

Рита внимательно выслушала внука и разразилась грозной тирадой:

— От гады, и здесь зажимают простого трудящегося человека. Дворянство им подавай. Они так царизм в Россию вернут с этим пьяницей-президентом. Один Ленин был настоящим коммунистом. Остальные все изверги и мироеды!

Рита принесла семейный альбом с фотографиями и папку с пожелтевшими от времени бумажками.

— Дед твой, Петр Николаевич Красавин, видный был парень, высокий, веселый, — начала свое повествование бабушка Маргарита. - Женились мы честь по чести почти сразу после войны, но прожили недолго. Он морской офицер был, красавец, каких мало, ушел в рейд, я тогда только-только твою маму родила. Там у них что-то на корабле сломалось, два месяца на льдине жили, он застыл сильно, там и умер от воспаления легких. Я его и хоронила венком в воду. Петя детдомовский был, поэтому никаких документов о родителях не осталось. Любила я его сильно, может, поэтому замуж больше и не вышла. Прадед твой, то есть отец мой Иван Николаевич, сильный был мужик, настоящий коммунист, в гражданскую воевал, дворянства там тоже не ищи, бесполезно, он из пролетарской семьи и этих царских прихвостней ненавидел. Погиб он еще в финскую. Ну а мать моя Сара Израилевна Шлеймович — настоящая еврейка, большевичка-подпольщица, от голода умерла в блокаду, я тогда чудом выжила, рабочую карточку на заводе получала, я ведь в 14 лет работать пошла. Так что ничем тебя порадовать не могу. Нет во мне дворянства, разве

что еврейство от матери, хотя по паспорту и в душе я, конечно, русская — Маргарита Ивановна Красавина.

«Да, и здесь, похоже, тупик, — подумал Вадик, рассматривая старые пожелтевшие фотографии и документы. — Однако, получается, что и у меня есть еврейская кровь, если прабабушка еврейка. Надо к другу Мишке Кацману зайти, пусть мне про еврейство расскажет, он все про это знает».

В тот же вечер Вадик и заехал к своему другу-однокашнику Мише Кацману.

— Ты не представляешь, как тебе повезло, — вскричал Миша, — ты ведь, получается, настоящий еврей, ведь еврейство передается по женской линии. Ты же можешь в Израиль эмигрировать и гражданство получить.

— И нафига мне твой Израиль, мне в дворянство надо, премию за роман получить и от армии откосить, — горовал Вадик.

— Дурак! Тебя пока призывать в армию будут, ты раз — и в Израиль. Там солнце, пальмы, море Израилеванное. А водка, — знаешь, какая у них вкусная водка, «Кеглевич» называется, и клубника круглый год. А роман ты свой переделаешь, дворян превратишь в евреев, которых прижимала советская власть и издашь книгу в Израиле, — все заранее просчитал предприимчивый Миша.

— Ага! А на какие шиши я там жить буду? Денег ведь нет, — сомневался Вадик.

— Если тебя евреем признают, то тебе все оплатят, — и билет, и подъемные, и еще полгода каждый месяц платить будут столько, что и на водку, и на клубнику хватит, да еще и останется. Первые деньги тебе дадут прямо в аэропорту. Только приземлился, тебе сразу почти триста баксов, просто за то, что ты еврей и приехал в страну. Халява плиз называется! — воодушевленно разъяснял другу Миша.

— Мы всей семьей документы подали, — продолжал он, — теперь вызова ждем, я в институте сессию даже сдавать не стал. Короче так, в Питере есть еврейская община. Они помогают собрать и оформить все документы и передают их в Москву в консульство. Стоит это у них пятьдесят долларов с человека. На тебя и на бабушку будет сто.

— А бабушка причем, ей в армию не надо, да и денег у меня совсем нет. Стипуху я не получаю, предки не жалуют, — отговаривался Вадик.

— Без бабушки не пустят, она ведь у тебя еврейка, да еще и в войну пострадала, блокадница, там таких любят. А деньги я тебе дам, в Израиле отдашь, с подъемных, а здесь расписку напишешь. И проценты возьму небольшие. Всего пять процентов в месяц. Пользуйся, пока я добрый.

«Дождешься от вас, евреев, доброты», — подумал Вадик, но идея сбежать от армии в Израиль понравилась.

Напоследок Миша всучил Вадику еврейскую черную шляпу с большими круглыми полями, странного вида очки с простыми стеклами и накладную жиденькую бороденку, и все это за каких-то десять долларов. Миша уверенно сказал, что этот реквизит ему пригодится для похода в консульство на собеседование и без него никак. Радовало только то, что платить надо будет опять-таки в Израиле. Миша еще предлагал накладные пейсы за два доллара, но Вадик отказался.

Дома Вадик отыскал в шкафу черный пиджак от парадного папиного костюма, надел шляпу, очки и приклеил бородку. Пиджак был явно велик и выглядел, как сюртук или короткое пальто.

«Еврей! Вылитый еврей! — рассматривал себя в зеркале Вадик. — И как я сам раньше не догадался?»

В этом виде и застал его пришедший с работы отец.

— В цирк, в клоуны собрался? — недоуменно спросил отец.

— В Дворянское Собрание на бал, — сказал Вадик.

— На жиды ты похож, а не на дворянина. Смотри, вылетишь со своим дворянством из института, я тебя от армии отмазывать не буду, — в очередной раз пригрозил отец и ушел к себе в кабинет.

«Уже вылетел, — горестно подумал Вадик, — а с жидом угадал, значит точно я еврей».

На следующий день состоялся серьезный разговор с бабушкой. Вадик раскрыл ей страшную тайну про заваленную сессию и скорую отправку в армию.

— Надо отцу сказать, он что-нибудь придумает, — сразу сказала Рита.

— Он уже все сказал. Говорит, не будет мне никаких отмазок — в армию и все!

— Только ты можешь и должна спасти своего единственного внука! — горестно сказал в конце Вадик.

— Боже мой! Как же так! Неужели и тебя загребут эти проклятые вояки! — причитала Рита. — Я все сделаю. Все! Но тебя не отдам. Я мужа там потеряла и отца!

И тогда Вадик рассказал ей про свой еврейский план.

Ошарашенная бабушка долго не могла понять, что за ересь метет ее внук.

— Какой Израиль, какое еврейство? Я ведь русская и по паспорту, и в душе, я ни одного слова по-еврейски не знаю, — недоумевала бабушка.

— Еврейство по их законам передается по женской линии. У тебя мама была еврейка, а значит, и ты еврейка, и моя мама, и я тоже еврей.

— Да какой ты еврей? Нос картошкой, глаза раскосые. Если и есть кто в роду, так и тот татарин, — не унималась бабушка.

— Ничего и не картошкой, и глаза нормальные, — обиделся Вадик, — а профиль у меня вообще римский, а значит, почти еврейский.

Целый вечер Вадик уговаривал бабушку Маргариту. Он показывал ей цветные туристические проспекты, позаимствованные у Мишки, рассказывал про деньги, которые они получит по приезду. Коренную ленинградку не прельщали ни пальмы, ни теплое море, ни подъемные. Даже святой Иерусалим и Храм Гроба Господня не действовали на убежденную атеистку.

— Значит так, или мы с тобой уезжаем в Израиль, или меня загребут в армию, и я там сгину, как мои прадед и дед! Видимо, это судьба всех мужчин твоего рода! — подвел итог Вадик.

Этот последний аргумент подействовал, и Рита согласилась помочь Вадику и подать вместе с ним документы.

— Но при одном условии, я туда и сразу обратно, а ты уж как захочешь, — горестно сказала она напоследок.

Уже на следующий день Вадик принес все свои и бабушкины документы на экспертизу Мишке.

— Миша Кацман башковит, у него предвидение, — напевал на свой лад приятель известную песню Высоцкого, рассматривая документы.

— В песне не Кацман, а Шихтман, — поправил Вадим.

— Это не важно, евреи все башковитые, не то, что некоторые....

Какие такие некоторые, он уточнять не стал. Посмотрев документы, Миша вынес неутешительный вердикт:

— Безнадега! В консульстве требуют исключительно оригиналы документов. А у твоей бабушки даже свидетельства о рождении нет в оригинале.

— Так ведь ее дом в Ленинграде разбомбили в войну, и ей вместо свидетельства выдали справку в местной

военной комендатуре. Вот в справке все есть: и имя, и фамилия, и национальность родителей. Она по этой справке паспорт потом получала, — оправдывался Вадик.

— Справка не прокатит, — отрезал Миша, — знаешь, сколько таких желающих с подобными справками вокруг консульства трутся. Только оригиналы свидетельства о рождении и то иногда подлинность проверяют.

Идея умирала, не родившись. Свидетельство сгорело, архив и тот пропал во время войны. Бабушка Маргарита уже пыталась найти в архивах документы свои и родителей, но на все запросы ей отвечали:

«Архив утерян»

— Есть один шанс. Тебе и бабушке надо стать правоверными иудеями, причем со стажем. Там они это уважают, — рассуждал всезнающий Миша.

— Так бабуля моя убежденная коммунистка, не верит ни в бога, ни и в черта. Да и я вроде как атеист, — растерянно сказал Вадик.

— Не беда, есть у меня раввин знакомый, у него своя синагога, недавно открыл на коммерческой основе. Мы с тобой к нему ходим, он все устроит.

Синагога оказалась совсем не такой, как ее представлял себе Вадик. Это было небольшое помещение в цоколе жилого дома. Стены покрашены кремовой краской, деревянные скамейки-парты, в центре — что-то типа кафедры для выступающего, несколько шкафов с книгами, и все. Если бы не шестиконечная звезда Давида, нарисованная над кафедрой, и семисвечник, стоящий в углу на столике, то Вадик бы подумал, что они пришли в обыкновенный класс средней школы, а не в святое молитвенное место.

Раввин, как и полагается, в черной шляпе, круглых очках и с кучей бородкой принял их очень радушно.

— Я вижу, вы несколько удивлены внутренним убранством синагоги. В иудаизме нет жестких требований к молитвенным местам. У нас это просто место встреч и общения с Богом. Эта синагога недавно открылась. Но, уверяю вас, у нас есть все разрешения и права на все обряды, — ласково и слегка картавя, сказал он.

Приятели изложили свою проблему. Раввин благосклонно кивнул головой.

Было видно, что с подобными просьбами к нему обращаются не впервые.

— Я уважаю вас, Миша, я давно и очень уважаю вашего отца Романа Соломоновича, мне очень симпатичен ваш друг и, конечно, помогу чем смогу, но вы должны понимать, молодые люди, что путь в иудаизм обычно занимает год, а то и два. Человек должен изучить святую книгу всех евреев «Тору», регулярно посещать специальные занятия, сдать экзамены и лишь тогда он может пройти специальный обряд — под названием гиюр. Но, понимая ваше положение, я готов применить все свои связи и решить все это за несколько дней. Конечно, это будет стоить денег, но совсем не много. Четыреста долларов, и вы и ваша бабушка получают от меня самые настоящие справки с печатями и подписями, что вы прошли гиюр. Вам необходимо будет только пройти обряд посвящения, выучить и произнести специальную молитву и произвести омовение в специальной ванне — микве. Конечно, вам, молодой человек, до этого надо сделать обрезание.

— Как обрезание? — всполошился Вадик. — И на сколько сантиметров обрежут? У меня там лишнего нет.

— Обрежут только крайнюю плоть, то есть кожу, все остальное останется — и размер, и способности, а вид станет даже интереснее.

— Не дамся! — категорично отрезал Вадик.

— Но это древняя традиция всех иудеев. Без этого никак, — уговаривал раввин, — у меня есть знакомый специалист по этим операциям, у нас он называется моэль, он раньше был портным. У него прекрасные лекала, он делает фигурное обрезание на любой вкус, вы останетесь довольны.

— Я его люблю в таком виде, как есть, и другого мне не надо! — упирался Вадик.

Путь в еврейство оказался тернист, требовал денег и необыкновенных жертв.

— А что, если справку выдать пока без обрезания, отложить на время, неужели на границе проверяют? — осторожно предложил Вадик свой вариант.

— Насчет проверки не знаю, но на вашем месте я бы не рисковал, — ласково ответил раввин.

Ночью Вадику снилось, что он стоит в длинной очереди перед большими золотыми воротами в страну обетованную. Перед воротами пограничник в военной форме, в черной шляпе, с бородой и пейсами заставляет всех мужчин снимать штаны. В руках у гада сверкали огромные стальные ножницы для стрижки овец. Пейсатый плотоядно улыбался и иногда демонстративно щелкал ножницами. Вадик с ужасом понимал, что, когда очередь дойдет до него, пейсатый рубанет его красавца, и рубанет под самый корень.

Телефон зазвонил вовремя, Вадик проснулся целый и невредимый, но весь в холодном поту.

Звонил все тот же приятель Миша.

— Нет! — твердо сразу вместо приветствия сказал Вадик, — Все что угодно, но не это.

— Не переживай, — успокоил приятеля Мишка. — Я узнавал, на границе никто никого не проверяет. Мой папа давно знает этого раввина, он раньше был директором овощного магазина. Его чуть не посадили, он уволился и

теперь открыл новый бизнес. В общем, папа договорился, раввин согласился выдать справки без обрезания и всего за двести долларов. Правда, он долго упирался и говорил, что это пошло, и ему потом придется долго замаливать свой грех перед Богом, но это его проблемы. Ты всего лишь должен пообещать в его присутствии еврейскому Богу, что сделаешь обрезание потом, на исторической родине, в Израиле.

«Обещать жениться еще не значит жениться», — подумал Вадик и сказал:

— Хорошо, я согласен. Но ведь у меня денег нет совсем.

— Я дам тебе в долг, отдашь в Израиле, с процентами, конечно. В конце концов, мы же друзья, и мне без тебя там будет скучно, — сказал Мишка. — Но вот с вашими документами и вправду проблема. Принимаются строго оригиналы. Папа говорит, что пусть твоя бабушка напишет слезное заявление на имя израильского консула по репатриации, где подробно расскажет, где и при каких обстоятельствах было утеряно свидетельство о рождении. Папа добавит в письме несколько слов на иврите для пущей убедительности. Авось прокатит.

Бабушка Рита, беспрерывно ругаясь, целый вечер под диктовку Миши писала и переписывала слезное письмо на имя консула. Получалось, что она всю свою жизнь мечтала уехать на историческую родину, регулярно посещала синагогу и даже пела в хоре еврейской общины, о чем имеется соответствующая справка.

Вечером позвонил раввин и сказал, что все готово, и они с бабушкой могут прийти в синагогу для проведения святого обряда посвящения в иудейство.

«Оперативно, — подумал Вадик, — вот бы так наши чиновники работали, у нас давно бы коммунизм был».

Обряд посвящения начался с небольшой лекции об истории еврейского народа и основах религии. Раввин красочно рассказал библейскую теорию о создании Богом мира, о великом исходе из Египта еврейского народа, о том, как сорок лет бродили иудеи по пустыне, наконец, пришли в то место, где сегодня и создано еврейское государство.

«И надо было так долго бродить и забрести в единственное место на Ближнем Востоке, где нет нефти», — сокрушался он.

Особо он несколько раз подчеркнул, что и Иисус Христос был евреем, а, следовательно, все евреи ближе всего к Богу. И даже рассказал забавный анекдот:

«Православный священник представился, провести в Рай его вызвался сам Иисус Христос. Они гуляли по райским садам, и вдруг мимо них проехала белая красивая машина, в которой сидел совершенно пьяный мулла и пил спиртное сразу из двух бутылок.

— На земле пить мусульманину нельзя — пусть хоть здесь оторвется, — пояснил Христос.

Через несколько минут мимо них проехал черный «Мерседес», в котором сидел веселый ксёндз и на коленях у него сразу две голенькие девочки.

— На земле ему с девочками запрещалось, пусть хоть здесь погуляет, — махнул рукой Христос.

Следующим был огромный роскошный золотой «Кадиллак» с двумя иудеями сильно навеселе, с полным салоном красивых девчонок, из салона доносилась музыка и веселый смех.

— А это кто? — спросил священник.

— Точно не знаю, но это какие-то дальние родственники моего отца, — ответил Иисус».

На этом лекция о преимуществах иудаизма закончилась, и они перешли в другое помещение. В

небольшой комнате была установлена большая чугунная ванна, отделанная розовой плиткой.

— Это еврейская микма, — пояснил Раввин. — Вы должны выполнить святой ритуал омовения.

— Может, как и с обрезанием, оставим на потом, — предложил Вадик, оглядев с сомнением ванну с мутноватой водой.

— Не могу, — ответил раввин, — я и так уже согласился провести обряд без обрезания. Причем это надо сделать именно сегодня!

— А почему сегодня? — спросил Вадик.

— Сегодня тринадцатое число. У иудеев это счастливое число. В 13 лет мальчик становится настоящим мужчиной, он имеет право голоса и даже может жениться. Все большие дела евреи стараются начинать 13-го числа, — серьезно ответил раввин.

«У евреев счастье, а у христиан чертова дюжина», — подумал Вадик, но деваться было некуда.

Раввин выдал Рите и Вадиду длинные белые рубашки, очень похожие на ночные. Новообращенные поочередно залезли на несколько минут в ванну. При этом раввин читал какую-то молитву на иврите из толстой синей книги. Было видно, что чтение на иврите ему дается с большим трудом. Вода в ванной была обыкновенной водопроводной и даже теплой, хотя раввин утверждал, что это природная дождевая вода. Все было непринужденно и даже весело.

После купания раввин выдал Вадиду и Рите справки с печатями, на которых был изображен семисвечник и написаны какие-то слова на иврите, и еще книжку на русском языке, где описывалась вся история еврейского народа, и разъяснялось, что можно делать правоверным иудеям, а что нельзя. В книжке было 613 заповедей Торы. Вадик прочитал первые две страницы и запомнил только

одно, что начиная с захода солнца в пятницу и всю субботу работать совсем нельзя, надо отдыхать, пить вино и читать молитвы, называется это «шаббат». Это ему понравилось. Он закрыл книгу с твердым убеждением, что он истинный еврей, так как именно в пятницу вечером и всю субботу ему всегда особенно не хотелось ничего делать.

В еврейской общине Санкт–Петербурга приемом документов занимался отдельный человек — секретарь по делам репатриации. Очередь на подачу документов для выезда в страну обетованную была огромной. Казалось, что половина Питера желает податься в еврейский рай. Секретарь, седой, совершенно не похожий на еврея мужчина, бегло просмотрел документы и с непроницаемым лицом вернул их обратно.

— Я очень сожалею, но в консульстве принимают только подлинники документов. Ваша справка от военной комендатуры не является таким документом. Необходим подлинник свидетельства о рождении, где должна быть указана национальность матери, — сказал он Рите.

— Но у нас в войну сгорели все документы, разбомбили и архив. Я написала заявление на имя консула, где все это описала. Мы очень, очень хотим в Израиль, возьмите нас, пожалуйста! — взмолилась Рита и зачем-то добавила, — Помогите ради Бога!

Секретарь внимательно посмотрел на Риту, прочитал ее заявление, улыбнулся, и еще раз пролистал все документы. Достав справки о прохождении гиюра, он внимательно посмотрел на них и вдруг спросил что-то на иврите.

Рита с Вадиком с непонимающим видом уставились на него.

— Я попросил вас произнести первую из десяти главных заповедей, которые Бог передал Моисею на горе Синай, это знает каждый верующий еврей.

Вадик с Ритой смущенно молчали.

— То, что вы приняли иудаизм, как свою веру, для консула ничего не значит. Если вы действительно хотите пройти гиюр, вам для начала надо выучить иврит, хорошо знать Тору и сдать экзамен в раввинском суде. Право принимать такой экзамен имеют только раввины в Большой синагоге Санкт–Петербурга. У нас в общине проводятся специальные подготовительные занятия.

— Ваш раввин обыкновенный мошенник, — сказал секретарь, — Заберите эти справки и никому не показывайте.

Махнув рукой, он все-таки сложил все бумаги в отдельную папку:

— Я приму ваши документы и передам их в консульство в Москве, но уверен, что вам откажут. В последнее время много желающих выехать из России в Израиль, и отбор очень строгий.

Риту и Вадика, расстроенных отказом, у выхода встречал Миша.

— Ах он, гад! — разгорячился Миша, выслушав рассказ приятеля. — Я ему устрою обрезание под самый корень. Он у меня не только двести баксов вернет, он у меня штраф заплатит!

— Тебе обрезание сделать надо, выучить иврит, а потом в Большую синагогу идти, где настоящие справки дают, — задумчиво сказал он Вадиду.

— Лучше умереть в России мужчиной, чем жить в вашем Израиле евнухом, — за внука гордо ответила Рита.

«Сбежать в Израиль от службы в армии, похоже, не получится, надо ехать в Саратовскую губернию за дворянством», — горестно решил Вадик.

Через несколько дней Вадим приехал в старинный русский город Саратов. Дед Матвей с женой своей Матреной, родной бабушкой Вадика, жил в небольшом собственном домике на окраине города. При доме был и сад, и хозяйство. Куры, утки и даже своя корова. В семье прочно царил патриархат. Матвею уже было под семьдесят, но он продолжал сохранять крепкое здоровье и светлую голову. Пока бабушка крутилась, охала и накрывала на стол, дед Матвей обстоятельно выспрашивал у внука о жизни в Северной столице.

Наконец сели за стол. Дед Матвей торжественно достал из погреба большую бутылку с яркой заграничной этикеткой.

— Ты на этикетку не смотри. Здесь не какая-то заграничная гадость. Это мой фирменный самогон. Он у меня любого коньяка лучше. Я его дважды перегоняю, очищаю, а потом на дубовой коре и травах настаиваю, — приговаривал дед, разливая коричневатую жидкость по стаканам, — от него организму одна польза, я его почитай уже лет двадцать пью, потому и жив, и здоров.

— Ты его, внучок, не слушай, старого пьяницу. Молочка вот лучше попей, парное, от нашей коровки, — уговаривала внука бабушка.

— Не пей эту гадость белую, молоко оно детям малым на пользу, а взрослым мужикам только во вред, — гнул свою линию дед.

За столом Вадик и рассказал про роман, про конкурс и про свои виды на дворянство.

— От гады, значит опять все делят среди своих и наших. Коммунисты все среди своих делили, и эти туда же, — возмущался дед Матвей. — Не знаю, чем и помочь тебе, ведь род наш купеческий. Отец мой и дед по Волге-матушке товары возили. А у Матрены все в роду

крестьяне были. Их после революции раскулачили. Ну, ты не расстраивайся сильно, мы сейчас к моему брательнику сходим. Он попом в местной церкви пристроился. Может, что и придумает.

— Богохульник! Нашего священника, батюшку Василия, попом обзывает и никакого уважения, — сердилась бабушка.

— А как мне его называть? Он при коммунистах парторгом на заводе был, а как партию разогнали, так в попы и подался, — говорит, мол, грехи замаливает, а на самом деле просто там сытнее стало и выгоднее. Прихожане, почитай каждый день чего-нибудь несут, кто гуся, кто курицу. Денег у народа сейчас нет, так он все берет, не брезгует. И еще иконами торгует, — ворчал дед, но было видно, что брата он любит и ворчит не зло, а так, по привычке.

Дед загрузил в сумку несколько бутылок своего фирменного напитка, и они направились к брательнику. Недалеко от домика деда, на холме с видом на Волгу красовалась белокаменная трехглавая красавица-церковь, построенная в незапамятные времена и чудом пережившая социализм. Здесь собирались прихожане со всей округи и частенько наведывались туристы. Бывший парторг каким-то чудом стал там главным священником, и обращаться к нему теперь надо было не иначе как Отец Василий. Высокий, бородатый, в длинной черной рясе, с большим золотым крестом на шее, батюшка, благодаря своему зычному поставленному голосу, пользовался огромным уважением у прихожан.

Стол накрыли в просторной келье церковной пристройки. Домашняя колбаска, пироги с мясом, жаренная со шкварками картошечка, сало с чесночком, соленые бочковые помидорчики, огурчики, маринованные опята. Отец Василий явно не бедствовал, место и впрямь

было доходным. Фирменный дедов напиток под такую славную закуску пошел, как по маслу. После третьей рюмки Вадик и выложил свою дворянскую проблему. Отец Василий неторопливо достал с полки толстую потрепанную церковноприходскую книгу.

— Это сейчас загусы всякие, а в былые времена вся жизнь человеческая в этих книгах записывалась. Когда родился, какой веры, какого сословия, когда крестился, женился и когда помер. Так вот, нет у тебя, внучок, дворян в роду, и никогда не было. А фамилия Царедворский дана была прапрадеду — купцу первой гильдии за дом большой и красивый, почти что царский. Дом тот коммунаки забрали, а фамилия осталась, — перелистывая книгу, говорил Василий.

— Эх! Не видать мне премии, — горестно сказал Вадик.

Мужчины еще пару раз налили, выпили и, вконец загрустивший и захмелевший, Вадик засобирався домой.

— Погоди, — вдруг сказал Отец Василий, — есть у меня одна мыслишка. Художник у меня в келье при храме живет. Я его от тюрьмы спас. В 91 году при денежной реформе, когда правители наши пятидесятки и сторублевки внезапно отменили, он несколько сторублевок нарисовал. Один в один, не отличишь, только вместо портрета Ленина на купюре портрет Горбачева изобразил. Объявил, что это новые деньги и на рынке умудрился на десятки разменять. Тут его менты и взяли. Я его еле вытащил. За юродивого выдал. С тех пор он у меня живет. Иконы старинные рисует. Да так рисует, что от настоящих не отличить. И краски подберет и дерево на основу, потом старит их по специальной технологии. Я эти иконы немецким туристам продаю, как старинные. Хорошие деньги немчура платит.

— Так это же грех, батюшка, — удивился Вадим.

— Какой такой грех? Я им что, колбасу отравленную продаю? Я же никаких сертификатов не даю. И даже не убеждаю никого, что они старинные. Сами они все решают. Смотрят и языками цокают. Еще, бывает, и спорят между собой, какой век - 17-й или 18-й. А потом, это же немчура, а они только в этом веке два раза с нами воевали. Это я им за Сталинград в отместку. Пусть платят. Я эти деньги на благое дело в детские дома перевожу.

— Ну а нам от твоего умельца какой толк? — спросил дед Матвей.

Отец Василий еще налил, выпил, крякнул, закусил огурчиком, вытер салфеткой седую бороду и продолжил:

— Так вот, мы моего кудесника попросим, он одну страничку в книге и заменит. И тогда батя наш, царствие ему небесное, был при жизни мещанин, а станет дворянин. Господь милостив, мы его попросим, он нам этот маленький грех простит. Мы же не корысти ради, а по справедливости.

Отец Василий попросил послушницу, прислуживающую за столом, позвать чудо-художника.

Художник и впрямь был похож на юродивого — тощий с всклокоченной бородой и голубыми неземными глазами.

— Ну как, справишься? — спросил отец Василий, разъяснив проблему.

— Сделаем, коли хорошему человеку надобно, — сказал живописец, забирая книгу.

— Так ведь страницы в книге старые, пожелтевшие, а нынче бумага белая, — засомневался дед Матвей.

— А у моего умельца волшебный инструмент есть, утюг называется, он у меня любые чудеса творит, — засмеялся отец Василий. — Такие грамоты старинные рисует, что немчура за бешеные деньги покупает.

— А ты у нас, внучок, крещеный? — спросил вдруг Матвей.

— Не знаю, — честно признался Вадик, — родители партийными были, в те времена детей не крестили.

— Ты как, истинную православную веру принять согласный? — спросил у Вадика отец Василий.

— А резать ничего не надо? — с сомнением спросил Вадик.

— Нет. Мы же не ироды какие-нибудь, — успокоил его уже слегка захмелевший батюшка, — в купели тебя искупаем, и все дела. У меня в часовенке специальная купель для взрослых имеется. Один прихожанин подарил, то ли бандит, то ли коммерсант, а в нынешние времена это одно и то же. Так он у нас, почитай, почти каждую неделю в купель залезает. Как начудит чего, так и очередное крещение принимает. Грехи смывает.

Купель представляла собой сваренную из нержавеющей стали большую ванну в виде православного креста. Часовенка была украшена иконами и по убранству значительно превосходила еврейскую микру. Вода в купель подавалась насосом из расположенного во дворе колодца. Вадика тут же переодели в белую рубаху для крещения и заставили с головой окунуться в купель с ледяной водой. Отец Василий произнес сокровенную фразу:

«Крещу раба Божьего Вадима во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь».

В холодной воде Вадик сразу отрезвел.

«Так это что же получается, что я совсем недавно был атеистом, а теперь я и иудей, и православный христианин, — размышлял он, — впрочем, существует же двойное гражданство, и ничего. В конце концов, Бог един, и главное — в него верить, а как, это уже не важно. Хорошо, что еще раввину обрезать себя не дал, а то отец Василий

сразу предал бы меня анафеме, и не видать мне дворянства».

После ледяной купели чудесный напиток деда Матвея пошел особенно хорошо.

— А как православная церковь относится к чертовой дюжине? — вдруг спросил Вадик, вспомнив, что в еврейство его принимали именно тринадцатого числа.

— Надо бояться врагов истинных, а не придуманных. Мы, православные, в ведьм не верим, а со святым крестом и сам сатана нам нипочем, — ответил отец Василий, разливая по стаканам очередную порцию святого напитка.

«Значит со мной уже и еврейский, и православный Бог, теперь точно все получится», — подумал Вадик и незаметно перекрестился.

«Из-за острова на стрежень...» — вдруг затянул отец Василий прекрасно поставленным басом.

Песни пели до ночи, вразной, но душевно. До дома деда Матвея Вадик еле дошел.

«Господи, ухайдакали внука, деда бесстыжие, — запричитала бабушка. — Вот молочка попей парного — полегчает».

Вадик залпом выпил большой стакан молока и завалился спать.

Ночью у Вадика в животе случился бунт. Молоко с самогоном передрались, бедный живот от этого сначала вздулся и страшно заурчал, потом стал вонюче пердеть, и в конце концов решил выбросить неуживчивых пассажиров наружу. Причем выбросить все содержимое желудка организм решил и сверху, и снизу одновременно. Клозет в доме был только во дворе и до него метров двадцать. Вадик, как заяц, прыжками помчался к спасительному домику, на ходу снимая штаны, и еле-еле донес до дырки в дощатом полу взбунтовавшийся ужин.

Выкинув частично беспокойное содержимое, живот как бы успокоился. Вадик вернулся домой, намереваясь поспать. Но не тут-то было. Бунт продолжался, и был он бессмысленный и беспощадный. Казалось, что в животе уже почти ничего не осталось, но он продолжал бурлить и выкидывать остатки. На улице шел не по-летнему холодный дождь, и промокший Вадик после третьего похода решил зря больше не бегать. Он взял из дома табуретку, одеяло и устроился в клозете ночевать. Дерьмо парило и из толчка несло страшными едкими испарениями.

«Неужели путь в дворянство лежит через говно?» — горестно думал Вадик, непрерывно прыгая с табуретки на толчок и обратно.

Под утро будущий дворянин окончательно замерз, его трясло и тошнило непрерывно. Именно в эти минуты он вспомнил синее море, пальмы и красивую девушку на рекламном туристическом проспекте с надписью: «Добро пожаловать в Израиль» и ему нестерпимо захотелось туда, в тепло, в страну обетованную. Желание было очень сильным, ярким и осязаемым. Конечно, никогда бы не осуществилось его желание, как бы он этого не хотел, но... именно бабушка Рита несколько дней назад продала букетик ландышей красивой невысокой девушке в аэропорту и получила от нее тот самый Доллар, который умеет исполнять сокровенные желания. Перед самым отъездом бабушка Рита отдала Доллар любимому внуку вместе со всей своей дневной выручкой на дорожку и на счастье. Доллар принял самое сильное на тот момент желание Вадима Царедворского и на несколько секунд засветился серебристым светом.

«Допился! Глюки пошли!» — подумал Вадик, увидев столб света, струящегося неведомо откуда в грязном вонючем сортире.

Утром его, зеленого и замерзшего, вытащила из клозета бабушка.

— Сударик, родной ты мой, — причитала бабушка, — это все самогон проклятый. Дед-то у нас привыкший, а ты, бедняга, попался. Ты молочка попей, говорят, помогает.

— Не ври, старая, это твое молоко виновато. Я же говорил, не закусь это для мужика, а отрава, — возражал дед. — Опохмелись вот лучше и рассольчику попей.

Вадик выпил предложенную дедом стопку волшебного напитка, запил рассолом, стало действительно легче и в голове сразу закружило.

Провожали его на поезд всей семьей. В портфеле у Вадика лежала выписка из церковно-приходской книги с печатью и подписью нотариуса о том, что прадед его, Царедворский Александр Матвеевич, русский, православный, в далеком 1886 году был рожден дворянином. Более того, в 1915 году высочайшим указом за доблесть и мужество дворянин Царедворский был произведен в поручики, о чем имелся пожелтевший от времени документ. Церковный художник превзошел сам себя.

Выпив в вокзальном буфете подорожную, деды погрузили пьяненького Вадика в вагон и отправили домой.

«Ты нашего внука в дороге оберегай, — наказал отец Василий проводнице, осенив ее крестом и позволив поцеловать руку, — он у нас дворянского рода и расчудесные книги пишет».

Измученный гостеприимством Вадик с третьей попытки, с помощью соседей, забрался на верхнюю полку, прижал к себе ценный портфель и тут же заснул крепким сном.

Снилось ему, что он сам написал новую очень интересную книгу и стоит он на сцене, прекрасная

длинноногая девушка вручает ему красивую золотую статуэтку, а ведущий церемонию говорит:

«Первая премия присуждается Вадиму Александровичу Царедворскому».

И зал взрывается аплодисментами.

Сон был такой яркий, такой впечатляющий, что Вадим, проснувшись, некоторое время вообще не мог понять, где он. За окнами вечерело, вагон мерно стучал колесами. Вадим вдруг страшно захотел, чтобы он когда-нибудь действительно написал свою по-настоящему очень интересную книгу и получил бы за нее премию. Желание было сильным и вполне осуществимым. Магический доллар принял его и снова засветился серебристым светом.

«Опять глюки! — подумал Вадик, увидев столб серебристого света от своей куртки. — Надо бросать пить, так и до дурки недалеко».

Через некоторое время поезд сбавил скорость и остановился. За окнами светились огни вокзала какого-то небольшого городка. Вадик слез с полки, оделся и вышел подышать воздухом. Одинокая бабушка в цветном платочке торговала пирожками и бутылочным пивом. Пива хотелось очень сильно. Вадик залез в карман куртки, но портмоне там не оказалось. Он вспомнил, что кошелек с остатками денег и паспортом он на всякий случай переложил в портфель и подложил его себе под подушку, чтобы не украли. А портфель так и остался под подушкой в вагоне. В кармане куртки был только тот единственный доллар, который Рита подарила ему перед поездкой, и он засунул его отдельно.

— Доллар, бабушка, за пиво возьмешь? — спросил он продавщицу.

— Не-е, я в них ничего не понимаю, — отнекивалась бабка.

— Возьми, очень пива хочется, он настоящий, — слезно попросил Вадик.

— Разве что внуку подарить, — нехотя согласилась продавщица и протянула Вадику бутылку.

Вадим отдал бабушке доллар и пошел в вагон. Это был тот самый Доллар, из-за которого вскоре круто изменится жизнь Вадима Царедворского и всей его семьи.

Американский спутник-шпион засек поток F-лучей в 4:35 по московскому времени. Это было первое «израильское» желание Вадима, загаданное в сортире. Полковнику ФСБ Михаилу Фишману сообщили точные координаты по спутниковому телефону уже через 15 минут. Вставать не хотелось. В московской квартире на Ленинском проспекте было тепло и уютно. Рядышком мирно посапывала верная подруга Оксана.

— Пригрелся, ленивый стал, надо брать себя в руки, — с неудовольствием подумал Майкл.

Рывком он соскочил с кровати, развернул большую карту России, которую всегда носил с собой.

— Саратов! Занесло же тебя, родимый. Ничего не поделаешь, надо лететь.

Фишман позвонил в диспетчерский пункт, заказал самолет и объявил срочный всеобщий сбор подразделения «Дельта».

Несмотря на особые полномочия Фишмана, в Саратов они прилетели только через 8 часов.

Источником F-лучей оказался небольшой частный дом на окраине города. Пока летел самолет, местное отделение ФСБ уже подготовило подробное досье о жителях домика. Фишман дал команду бойцам «Дельты» скрытно блокировать весь квартал, а сам вежливо постучался в дверь домика. На этот раз Майкл решил не устраивать шумную спецоперацию.

Дверь открыл сам хозяин домика.

— Я из управления соцзащиты, мне поговорить с вами надо, разрешите зайти.

Фишман был в джинсах, летней рубашке и легкой курточке.

— Заходи, коли пришел, — настороженно сказал дед Матвей.

Фишман прошел в комнату, достал из портфеля папку, листок бумаги.

— Зовут меня Михаил Иосифович, я провожу обход ветеранов, тружеников тыла для составления списков на получение целевой помощи, — сказал Фишман.

Дед Матвей внимательно оглядел гостя. Штатская одежда не могла скрыть спортивной фигуры и военной выправки Фишмана. Он по наитию почувствовал, что неожиданный визит этого типа связан с предыдущим приездом внука.

— Так чего надобно-то? — спросил Матвей.

— Я из собеса, — начал было снова Фишман.

— Ты вот что, служивый, не тяни, говори правду, зачем пришел, — с сыном что, или с внуком? — жестко оборвал его Матвей.

Фишман тоже все понял, играть в кошки-мышки с этим умудренным житейским опытом дедом не имело смысла. Михаил достал из портфеля бутылку армянского коньяка, лимон, конфеты.

— Поговорить надо, Матвей Александрович, — сказал он.

— Ты это убери, баб своих потчевать будешь, у нас свое есть, — сказал Матвей и кликнул жену.

— Не видишь, гость у нас, стол накрой, говорить будем.

Пока хозяйка накрывала на стол, мужчины молча рассматривали друг друга.

На столе появились свежие овощи, вареная картошка, соленья, сало.

— Как вы догадались, что я не из собеса? — спросил Фишман.

— Так в собесе одни девки сопливые, да мужики пузатые, а ты одним ударом быка завалишь, какой тут нахрен собес? — сказал дед.

— ФСБ, ЦРУ, спецоперации, аналитические отделы, — витаем в облаках, а простых вещей не знаем, — подумал Фишман.

— Вы правы, я из ФСБ, и дело у меня серьезное, — сказал Фишман вслух.

Дед Матвей убрал со стола стопки, достал граненые стаканы, разлил сразу по половине стакана своего фирменного напитка.

— Раз дело серьезное, то и пить надо серьезно. За знакомство! — сказал он, поднимая стакан.

Больше двух часов уже шел разговор, а Фишман все никак не мог понять, как объяснить этому русскому очень мудрому человеку, что ни ему, ни его сыну, ни внуку ничего не угрожает. Надо просто найти этот неуловимый Доллар.

Наконец он просто достал купюру в один доллар, положил ее на стол и сказал:

— Вот на точно такой же бумажке, по нашим сведениям, агент вражеской разведки секретным способом нанес карту с расположением ядерных стратегических сил России. По нашим сведениям, эта бумажка находится в вашем доме. Попал он к вам совершенно случайно. Отдайте мне ее, пожалуйста, и все.

Дед Матвей разомлел от выпитого и склонен был поверить этому незнакомому, но, в общем-то, вполне приятному человеку, но он решил не спешить и еще

немного поговорить. Тем более, что никакого доллара у него нет и никогда не было.

— Видела я такую бумажку, у Вадика. Вчерась я куртку чистила, так там, в кармане у него и была, — вдруг вмешалась Матрена

— Молчи, старая! — рявкнул дед, но было уже поздно.

— Это ведь ваш внук, где он? — мгновенноотреагировал Фишман. — Не тяни, дед, все равно узнаем.

— Да уехал он, обратно, в Питер, утром в поезд посадили, — сказал Матвей. — Но не шпион он. Подраться там или похулиганить — это мог, но Родину предать — никогда!

— Ваш внук ни в чем не виноват, эта бумажка попала к нему случайно, — успокоил Майкл.

— Вижу, правду ты говоришь, хороший ты человек, настоящий русский, хоть и еврей, — вздохнул Матвей.

Самолет с бойцами «Дельты» уже возвращался обратно в Петербург, когда Майкл получил информацию о втором сигнале со спутника. Сверив координаты, Майкл убедился, что координаты совпадают с местом предполагаемого движения поезда.

«Вот и все, — подумал Майкл, — через несколько часов Вадим Царедворский вместе с Долларом сойдет с поезда и тут же попадет в мои руки. Вокзал уже будет оцеплен. Вагон и даже место, где едет Вадик, известно. Более того, на ближайшей остановке в вагон сядут несколько сотрудников ФСБ, которые не будут спускать глаз с Вадима, что бы он, не дай Бог, не отстал от поезда и вовремя прибыл в город».

Майклу стало грустно. Заканчивается его жизнь в этой стране. Он снова вспомнил скрип песка на зубах в пустыне Кувейта, сухие галеты с тушенкой и подумал:

«Приеду обратно в Штаты, дадут мне подполковника, ну или полковника и загонят опять куда-нибудь в пустыню — в Ирак, Иран или Ливию. Американцы ведь великие, не успокоятся. И он вдруг впервые отчетливо понял, что не такая уж и правильная страна Америка, и может и не нужна в мире эта ее хваленая демократия.

Вот дед Матвей живет себе спокойно, получает копейечную пенсию, гонит самогонку, ест соленые огурцы с салом... А попробуй, сунься, любому глотку за свою страну перегрызет. Нет, Россия Америке не по зубам. А Оксана, ведь любит меня так, как ни одна американка любить не будет. Может, уйти в отставку, жениться и жить себе спокойно...»

Его мысли прервал командир самолета, объявивший посадку. Пора было ехать на вокзал.

«Всякая история имеет свой конец», — подумал Майкл.

Он еще не знал, что Вадик уже уговорил бабушку на полустанке и обменял Доллар на бутылку кислого «Жигулевского».

Через несколько часов Фишман в своем кабинете в третий раз будет слушать историю раздетого до трусов и уже тщательно обысканного Вадика о том, как он проснулся ночью и как обменял Доллар на пиво.

— Так хоть какая станция-то была? — еще раз спросил он Вадика.

— Не помню, темно уже было, где-то после Тамбова. Стояли мало. Бабку помню. В платочке с корзиной. И пиво у нее кислое, просроченное, — оправдывался Вадик.

— Ты хоть о чем в поезде мечтал? — спросил Фишман Вадика напоследок.

— Писателем стать, свою книгу написать, — ответил удивленный Вадик.

— Значит, напишешь, — задумчиво сказал Фишман.

Он уже дал команду и готовился к вылету в Тамбов, бойцы подразделения «Дельта» в полной боевой готовности сидели в автобусе. Фишмана ждала еще одна бессонная ночь, но он уже знал, что это все бесполезно. Доллар пока не желал покинуть Россию. Ему предстояло исполнять новые желания в этой удивительной стране...

Аарон Рофман уже почти три года работал консулом по делам репатриации в посольстве Израиля в Москве. До пенсии оставалось еще два года, и он подумывал вернуться в Израиль и проработать эти два года спокойно, где-нибудь в отделе министерства внутренних дел. Аарон любил Израиль и ненавидел эту страну одновременно. Израиль дал ему все, а потом забрал самое дорогое.

Рофманы приехали в Тель-Авив из Германии сразу после войны. Им повезло. Попав в конце войны в Дахау, они с отцом и матерью чудом не угодили в газовые печи и были освобождены американскими войсками. Сразу, как только представилась возможность, Рофманы выехали в Израиль. Первые годы были очень тяжелыми. В кибуце, где они жили, пришлось начинать все сначала. Страшная каменистая земля требовала огромного труда. Жили бедно, на грани голода. Зато потом Аарон за счет кибуца закончил университет, переехал в Тель-Авив, женился. У него родилась красавица дочь, он назвал ее Рейзл, Розочка на идиш.

Аарон Рофман считал себя очень мирным человеком. Переживший холокост, он ненавидел все, что связано с войной и насилием. Но, окруженный врагами, Израиль постоянно находился в состоянии войны. Три года службы в армии закончились, и Аарон начал свою мирную работу. Но в 1965, после объявления всеобщей мобилизации, его внезапно призвали в армию и без лишних разговоров и переподготовки посадили в выдавший виды французский

танк. Тогда эта бронемашина под командованием лейтенанта Аарона Рофмана мчалась по страшной египетской пустыне и стреляла по вражеским танкам. Он видел, как от его выстрелов горели египетские танки, как выскакивали из них объятые пламенем люди и умирали в страшных мучениях. А его танк все мчался вперед и стрелял, стрелял, стрелял. Тогда всего за шесть дней Израиль полностью разгромил армию Египта и еще армии четырех арабских стран. Страна праздновала победу, и казалось, что это теперь навсегда. Но всего через несколько лет, в 1973 году, лейтенант Рофман снова оказался в танке. На этот раз противником была Сирия. На Голанских высотах сирийская армия внезапно атаковала Израиль, и снова Аарон стрелял в живых людей. В войне «Судного дня» он потерял многих своих товарищей, но сам лейтенант Рофман не получил ни одной царапины. Маленькая страна выстояла и на этот раз, но все понимали, что заключенный шаткий мир не будет вечным.

Жизнь продолжалась. Аарон работал в Министерстве иностранных дел, Рофманы купили уютный дом, дочь закончила университет. Она могла не служить в армии, — для девушек, имеющих высшее образование, это не обязательно, можно пройти альтернативную службу. Но пропаганда в Израиле работает так четко, что все юноши и девушки считают своим священным долгом службу в армии. Ведь это их страна, и ее надо защищать. Полтора года Аарон каждый день молился, чтобы Бог сохранил его дочь, его Розочку. Долгих полтора года он каждый день боялся любого стука или звонка в дверь. В Израиле так и называют эти скорбные визиты — «Стук в дверь». Есть даже специально обученные люди, которые сообщают родственникам страшную весть. И вот однажды вечером в его дверь постучали. На пороге стояли парень с

девушкой в военной форме с опущенными головами. Он сразу все понял и только спросил: «Как?»

«Арабский снайпер на Голанских высотах», — ответили ему.

Страшная месть настигла его и забрала самое дорогое.

Его мама, бабушка Розочки, не пережила смерти внучки и умерла через несколько месяцев, через год умер и отец. Жена уехала навсегда в Америку к родственникам.

«Я не могу жить в стране, которая заставляет служить в армии девушек и при этом не может их защитить», — напоследок сказала она.

Аарон остался один.

С тех пор он почти не жил в Израиле, сам напрашиваясь на работу в других странах.

За три года, пока он работал консулом по репатриации в посольстве Израиля в Москве, через его руки прошли десятки тысяч дел. В последние годы желающих уехать из стремительно беднеющей страны стало гораздо больше. Маленький Израиль не мог принять стольких желающих. Приходилось отказывать почти всем. Вот и сегодня на его столе три стопки дел, подготовленных ему на подпись помощниками. Одна большая — дела тех, кому отказано по каким-либо причинам, одна поменьше — те, решение по которым он примет после собеседования, и совсем маленькая — те, по которым нет вопросов и надо их просто подписать. Консул начал с большой стопки. Он обычно подписывал отказы, не читая, иногда просто перелистывая страницы. Так было и в этот раз. В одной из папок его привлекла фотография пожилой женщины. К личному делу было приложено длинное письмо. В нем женщина рассказывала о своей тяжелой жизни — погибший отец, голодная смерть матери в блокадном Ленинграде, работа пятнадцатилетней девочкой по 12-16 часов в день на военном заводе и, наконец, нелепая

смерть мужа. Документы пропали в войну. С ней вместе в Израиль хотел поехать внук.

В папке не было ни одного оригинального документа, подтверждающего, что бабушка — еврейка. Отказ помощника был абсолютно правомерен.

Аарон задумался. Бабушке будет хорошо в Израиле, там достойные пенсии для пострадавших в войну, она этого заслужила. Внук пойдет в армию — надо же кому-то защищать страну, потом, может, и отец переедет — ученый физик, такие, как он, там нужны. Повинуясь внезапному порыву, он написал на анкете: «Разрешить», и, подумав немного, добавил: «Без собеседования» и поставил свою размашистую подпись. Папка перешла в маленькую стопку. Дальше ей предстояло побывать во многих кабинетах бюрократического аппарата, но судьба этих репатриантов из России уже была предрешена.

Доллар выполнил первое желание Вадика.

Вадик так и не понял, за что его так долго продержали в кабинете полковника ФСБ. Сначала он думал, что это из-за подачи документов на ПМЖ в Израиль, и на всякий случай клялся, что это все не он придумал, а проклятый предатель и семит Мишка, а он, Царедворский, — истинно русский и готов хоть завтра пойти в армию и честно выполнить свой долг перед Родиной. Потом решил, что это из-за его романа. Тут все пришлось свалить на Борщова, обзывая того «дворянской сволочью» и «буржуйским недобитком». Станный полковник ФСБ без интереса слушал его лепет, перебирал бумажки и задавал совершенно нелепые вопросы. Когда его отпустили, Вадик долго стоял перед входом в ближайшую церковь и неумело крестился.

«Бог спас, — твердо решил он, — только вот какой Бог, русский или еврейский? Впрочем, какая разница, главное, что отпустили».

Через пару дней, оправившись от испуга, он все же пошел в Дворянское Собрание.

«Я так за вас рада, — улыбалась ему милая дама, — я была уверена, что вы дворянин, у вас такие изысканные манеры, сразу чувствуется настоящая дворянская кровь. Я передам ваши документы в Дворянский Совет и убеждена, что они вас примут в наше Собрание. Вам надо будет только заплатить вступительный взнос, но он не большой, всего двести долларов, и мы вам выдадим грамоту».

«И тут бабки дерут, эти дворяне хуже евреев», — раздраженно подумал Вадим, но делать было нечего. Дома он рассказал все маме. Мама достала из своей заначки двести долларов и сказала:

«Я надеюсь, что это все, времена нынче трудные, отцу почти совсем зарплату не платят».

На следующий день Вадик заплатил двести долларов. Милая дама постбальзаковского возраста тут же достала из шкафа красивую грамоту с гербом Дворянского Собрания и вписала в нее фамилию Вадика. На бланке уже стояла печать и подпись председателя Собрания. Потом милая дама поила его чаем и говорила:

— Вы не представляете, какая вас ждет интересная жизнь. Через неделю у нас благотворительный бал, будут особы царской крови, вход сто долларов, вам как претенденту на премию просто необходимо там быть, это же такие связи. Вас записать?

— Я понимаю, но меня может не быть в Петербурге, дела, знаете ли, приходится много ездить, — отнекивался Вадим, а сам думал:

«Надо к Борщову сходить, договориться, он же член комиссии».

Борщов мельком посмотрел на дворянскую грамоту и сказал:

— Член вы Собрания или нет, это не столь важно. Я читал ваш роман. Весьма слабое произведение, а лагерная жизнь вообще сплошной плагиат. На первые две премии роман никак не потянет, тем более, что они уже обещаны родственникам Великой Княгини. Остается третья премия. За нее можно побороться, но вы же понимаете, что у молодого и никому не известного Вадима Царедворского шансов нет. Вот если бы автором был Иван Борщов.... В общем, я предлагаю передать мне авторские права на роман, я попробую его протолкнуть на премию. Если получится, — три тысячи долларов вам, три мне и четыре членам комиссии, там, кроме меня, их еще двое.

Вадим чуть не задохнулся от возмущения. Ладно — деньги, но отдать авторские права на роман, который мама писала почти всю жизнь, и из-за которого Вадим завалил сессию. Это не просто хамство, это беспредельщина. Он был готов убить Борщова на месте. Борщов понял состояние Вадима и поспешил добавить:

— Впрочем, вы подумайте, срок конкурса пока так и не назначен.

— Я согласен! — выдавил из себя Вадим. — Мне очень нужны деньги.

— Деньги всем нужны, — глубокомысленно сказал Борщов, и положил на стол перед Вадимом уже подготовленный договор передачи авторских прав.

Вадик, не читая, подписал договор, он понял, что Борщов не сомневался в его согласии и заранее все подготовил.

Шло время. Срок конкурса никак не назначали. Милая постбальзаковская дама несколько раз звонила. То она предлагала прийти на ужин с графом Трубецким-Орловым, проживающим ныне в Париже и, о счастье, посетившим их Собрание и всего-то за триста долларов, то сладким голосом говорила, что у них появился необыкновенно талантливый художник-геральдик, который составит вам великолепный родовой герб и всего-то за пятьсот зеленых. Вадик отнекивался, ссылаясь на дела.

Потеряв терпение, он пришел к Борщову.

— Как там наши деньги? — с порога спросил он.

Борщов только что пришел с очередного дворянского фуршета и был явно нетрезв, он вытер платком пот с мокрого лба и разразился страшной, совсем не литературной бранью.

По его словам выходило, что их всех просто нагло кинули. Нет никакого зарубежного издательства, и никакого конкурса никто проводить и не собирался.

— Это просто замануха, — говорил пьяненький Борщов, — я сам уже отдал на всякие встречи, мероприятия и балы более трех тысяч долларов, а они все продолжают водить меня за нос и просить денег, обещая вознаграждение за работу в комиссии и прочие блага.

— Понты это все и вымогательство, — добавил он, показывая Вадиму преЙскурант.

В преЙскуранте были расценки на выдачу всяких дворянских титулов и наград. За определенные суммы в твердой валюте можно было получить титул графа или барона, стать кавалером ордена Святой Анны или Святого Георгия.

— А роман твой я могу тебе вернуть, никому мучения твоего дворянства в этой стране не интересны.

«И здесь жулье, кругом кидалово», — думал Вадик по дороге домой.

В душе было пусто и противно, как с большого похмелья. А дома его ждал еще один удар. В почтовом ящике лежала маленькая, но страшная бумажка — повестка на медицинскую комиссию в военкомат.

Не говоря ничего родителям, он поехал к своему другу Мише. Мишка и сам был в трансе. Ему принесли точно такую же повестку. Оказалось, что его родители тоже не знали, что он вообще не сдавал сессию в надежде на скорый отъезд в Израиль. Ситуация была критическая. Друзья устроили мозговой штурм. Чтобы мозги лучше думали, взяли бутылку водки. Благо, Мишкины родители уехали на дачу, и «штурмовать» им никто не мешал.

— Можно скрыться на время, уехать куда-нибудь, — предложил Миша, разливая по первой.

— Ну и куда мы с тобой без денег? К моей бабушке на дачу? Клубнику выращивать? Ну, проживем мы там недельку, другую, а дальше что? — возражал Вадим.

— Есть один способ. Мне менты рассказывали, как зеки от работы косят. Берешь кусочек карбида, заворачиваешь в бумагу и глотаешь. Бумага в желудке растворяется и карбид выжигает стенку желудка, тебя с язвой отправляют на месяц, а то и на два в больницу, а там и призыв закончится, может, даже инвалидность дадут.

— Хороший способ, — согласился Вадик, — давай на тебе и испробуем. Если останешься жив, я тоже глотну.

Мишка скромно промолчал, глотать карбид было как-то не по-еврейски. Налили еще по одной.

— Другое дело — монетку маленькую за ниточку к зубу привязать и проглотить, — предложил Вадик, — рентген темное пятно покажет, вот тебе и язва. Надо только монетку перед этим молотком постучать, чтобы края неровные были.

— Класс! — воскликнул Мишка. Сразу видно, что папа у тебя ученый-физик!

Миша сразу принялся звонить своему знакомому медику.

— Не прокатит, — разочаровано сказал Миша после консультации со специалистом.

— Сейчас шланги такие японские появились. Глотаешь, и через него все видно. Язвы нет, а твоя монетка, как на ладони. Будь проклят этот прогресс!

Выпили еще. По предложению Мишки пили по-американски, без закуски, смешивая с колой и засыпая льдом. Водка уже заметно «оживила» мозги.

— Можно под психов косить, глюки там всякие придумать. В башку не заглянут. Если правильно косить, никак не докажут, — предложил Вадик. — Все просто, вот смотри — он картинно упал на пол и начал дергать ногами, изо рта у него пошла пена.

— Здорово! — похвалил Миша. — А пена откуда?

— Это я в рот шампуня набрал. Я такой приступ у эпилептика как-то в магазине видел, так его целый час откачивали, — сказал Вадик, вставая с пола.

— Можно, — кивнул Мишка, — но ведь в психушку запрут, всякую дрянь колоть будут. Там точно психом станешь. У меня друг так косил, до сих пор с дебильной рожей ходит и постоянно смеется. В Израиль с такой мордой лица точно не пустят.

— Надо ногу сломать или руку, — выдал новый вариант Вадик.

— Правильно! Только лучше руку и лучше левую, пока в гипсе ходишь, призыв и закончится, а там что-нибудь придумаем.

Так как идей больше не было, решено было ломать друг другу руки. Дома ничего тяжелого и ломательного не оказалось, и друзья пошли на ближайшую стройку. К

этому времени водка кончилась. Для операции требовался дополнительный наркоз, и они по дороге зашли в магазин. Приняв еще по дозе, друзья приступили к действиям. Кинули монету. Первой жертвой выпало стать Вадику. Вадим мужественно положил свою руку на подоконник, отвернулся и сказал Мишке: «Бей!». Миша выбрал из кучи мусора почти целый кирпич, размахнулся и со всей силы долбанул Вадику по руке. В последний момент его качнуло, и кирпич проехал по касательной, обдирая кожу. Вадик схватился за руку, взвыл от боли и, страшно матерясь, завертелся на месте. Мишка от греха подальше отбежал на несколько метров и издалека смотрел на воющего Вадика. Вадик подобрал кирпич и пошел в сторону Мишки. Вид у него был устрашающий. Миша в ужасе рванулся в сторону, но споткнулся и упал плашмя, лицом вниз, на кучу строительного мусора. Вадик не спеша подошел к нему. Размахнулся и влупил кирпичом по откинутой руке. Рука оказалась правой, но разбираться, где право, где лево, не было желания. Мишка заорал от боли, вскочил и с размаху въехал Вадику в глаз. Когда-то он занимался боксом, и удар левой у него получался особенно хорошо.

Нокаун был полный. Когда Вадик открыл глаза, Мишка поливал его голову «Пепси» из бутылки.

— Извини друг, я машинально, рефлекс сработал.

Вадик хотел огреть его еще раз кирпичом, но сил уже не было. Чтобы заглушить боль, водку допили прямо из горла. У Мишки от падения была рассечена губа, у Вадима назревал «бланш» под глазом.

Домой они шли, обнявшись и матерясь на пару. От «наркоза» их мотало из стороны в сторону. Руки висели плетью. Прохожие в страхе шарахались от пьяной парочки изрядно перемазанных строительной пылью дружбанов.

— Надо «Скорую» вызывать, пусть переломы того... полечат, и гипс тоже... наложат, — сквозь боль провыл Вадик.

— Погоди со «Скорой». Увидят нас... ментов позовут и в... вытрезвилку. У меня есть пацан один... в меде он был... ща позвоним и все... решим.

Друзья кое-как добрались до дома и позвонили приятелю-медику. Друг Мишки приехал минут через двадцать.

— Никаких переломов у вас нет, просто сильные ушибы, через неделю-другую следа не останется, — сказал медик. — Дураки, нашли, как от армии косить. Есть один способ. Не совсем бесплатный, но надега, никак не подловишь. Я вам анализ мочи от больного из больницы принесу. Во время комиссии мочу обязательно сдают. Вот вы в туалете баночки и подмените.

— Голова! — восхитился Миша. — А анализы точно того, ... плохими будут?

— Не бойсь, я тебе такого больного найду, что тебя с этой мочой не то, что в армию, — в реанимацию с трудом пустят. Только она у меня дорогая, сто грамм мочи — пузырь водки, — добавил медик.

— Вот это правильно! Вот это по-нашему! Пузырь — вот настоящая русская валюта! Ладно, евреи, а то эти гады, дворяне, нынче только долларами берут, — воскликнул в пьяной патетике Вадим.

— Дорого! — по привычке решил поторговаться Миша. — Я тебе за пузырь ведро нассу!

— Так у меня моча-то какая, на вес золота, там и сахар будет, и белок, — не сдавался медик.

На том и порешили. Сделку надо было обмыть. Деньги уже кончились, и Мишка достал из бара отцовский коньяк.

— Эх, пропадать, так с музыкой, — сказал он, отвинчивая пробку, — Отец так и так убьет.

Остаток вечера Вадик помнил с трудом. Ночевал он у Мишки. Утром болело все: и голова, и рука, и подбитый глаз.

Домой в таком виде появляться не хотелось, и он поехал на дачу к бабушке.

Рита отнеслась к его виду на удивление спокойно и даже радостно.

— Наконец-то подрался, надеюсь, из-за девушки? — спросила она.

Выслушав рассказ, Рита приуныла.

— Я думала, что ты мужчиной стал, из-за девушки подрался, а ты... Глупости это все. Там, в военкомате, тоже не дураки сидят. Заставят пописать в присутствии врача, и плакали ваши планы. Хочешь — не хочешь, надо отцу все рассказать.

На столе у Риты Вадик с удивлением увидел толстую синюю книгу с названием «Талмуд» и самоучитель иврита.

— Ты знаешь, — сказала Рита, — я только теперь поняла, что я на самом деле еврейка. Я в еврейскую общину ходить стала, мы там язык учим, песни на иврите поем. Мне эти песни бабушка в детстве пела и мама. Только теперь язык немного другой стал, тогда идиш был, а сейчас иврит, но я почти все понимаю. Если отказ получим, я сама к консулу в Москву поеду. К этому времени надо язык изучить и по-настоящему гиюр пройти.

«Вот это поворот, — подумал Вадик, а вслух сказал: И правильно, поедешь одна, а потом меня вызовешь».

Домой Рита отправилась вместе с Вадиком, разговор с отцом предстоял сложный, требовалась серьезная поддержка.

— Лоботряс! Обманщик! В армию! Во флот, на три года! — кричал отец. — Это все твоя писанина, — указывал он

на мать. — Дворянство им подавай, романы! Я же говорил, не доведет эта дурь до добра!

— Хорошо, если во флот, а если в Чечню, — сказала мудрая Рита. — Хотя и во флоте я мужа схоронила. Неужели тебе единственного сына не жалко? Смотри, как он себя уже изуродовал.

Отец покричал еще немного и заперся в кабинете. Было слышно, что он кому-то звонит и о чем-то договаривается.

Вышел он через час.

— Завтра к профессору Макарову в первый медицинский институт к десяти утра, он скажет, что делать.

Через три дня у Вадика уже было сразу несколько справок. У него оказался врожденный порок сердца, хронический пиелонефрит и еще неисправимое плоскостопие.

«В гроб рано, но в больницу скоро будет поздно», — констатировала военкоматовская комиссия. При этом председатель комиссии все возмущался, какая нынче хилая молодежь пошла. Из десяти человек один оказывается годен, да и то условно... Вадик получил вождеденный белый билет.

Будущее Вадима Царедворского снова стало обыкновенным и предсказуемым. Отец договорился, чтобы Вадиму в институте вместо отчисления оформили академический отпуск. На время академки отец устроил Вадика на работу лаборантом в свой институт. В общем, здравствуй наука и прощай большая литература, но ... пути господни неисповедимы. Та самая папка с документами, на которой поставил свою подпись Аарон Рофман, уже закончила свое путешествие по бюрократическим кабинетам и превратилась в два вызова в далекую страну Израиль. Более того, специальная

организация по делам репатриантов в Израиле с непривычным русскому уху названием «Сохнут» уже оплатила два билета на самолет. Всего через месяц бабушке Рите и ее внуку Вадиму надлежало прибыть в страну обетованную.

— Вы тут все спятили, отказаться надо и про эту глупость забыть! — закричал отец, выслушав странную историю Риты и Вадика.

— Вы как хотите, а я поеду, у меня недавно подруга из еврейской общины уехала, живет в кибуце и ей очень нравится, — неожиданно сказала Рита.

Отец покрутил пальцем у виска и без слов скрылся в кабинете.

— Вот что я думаю, — сказала мама, — бабушку одну отпускать нельзя. Поедешь с ней. Устроишь ее, присмотришь, через месяц у нее эта дурь пройдет, и обратно вместе вернетесь. До института есть почти год. А папу я уговорю.

Вадим позвонил Мишке.

— А мы получили отказ, — сказал Миша, — у меня ведь только папа еврей, а мама русская, и у отца мама русская. А еврейство по женской линии признается. Это здесь мы евреи, а там мы русские. Но папа сказал, что все равно мы едем, пока по туристической визе, а на месте все решим. Так что, мы на чемоданах, через неделю выезжаем. Там встретимся.

«Вот интересно, — размышлял Вадик, — настоящего еврея Мишку в Израиле своим не признали. А меня признали. И билеты оплатили, и деньги на жизнь обещают дать. Чудеса, да и только».

Он и не догадывался, что чудеса эти начались в том холодном вонючем клозете в далеком Саратове, когда он вдруг нестерпимо захотел в теплый красивый Израиль.

Через месяц самолет компании «Эль-Аль» с Ритой и Вадимом на борту приземлился в аэропорту имени Бен Гуриона в Тель-Авиве.

«Это не страна, а баня какая-то», — подумал Вадим, вдыхая непривычный горячий и влажный воздух Тель-Авива.

«Мы в бане греемся и моемся, а они в ней живут», — вслух сказала Рита.

В помещении выдачи багажа было многолюдно. Прибыли сразу несколько рейсов. Вдруг по громкоговорителю диктор довольно громко несколько раз повторил несколько непонятных слов.

«Я не все поняла, но какая-то опасность», — заволновалась Рита.

В зале тут же появилось человек двадцать ребят в военной форме. Они вежливо, но очень настойчиво предлагали всем быстро покинуть помещение. Вещи при этом брать с собой не разрешалось. Ребята в форме совсем не походили на представление Вадика о евреях — носатых хилых очкариках. Это были высокие крепкие парни с темными волосами и загорелыми несколько восточного типа лицами. Действовали они быстро и очень четко. В пустом зале появился человек в костюме, похожем на скафандр космонавта. Рядом с ним бежала маленькая собачка.

«Служба слежения по видео обнаружила чьи-то неопознанные вещи. Они опасаются теракта», — пояснил кто-то из толпы по-русски.

Через несколько минут всем разрешили снова войти в зал. Нашлась хозяйка брошенной сумки. С ней уже разбирались специалисты.

Все работники аэропорта спокойно продолжили свою работу.

«В этой стране давно привыкли к постоянной угрозе терактов и научились с этим жить, — подумал Вадик. — Не дай Бог нам такой опыт!»

В аэропорту их встречал Мишка. Он сразу отвел их в отдельный кабинет, где специальный представитель организации по делам репатриантов «Сохнут» выдал Рите и Вадиму первые подъемные деньги из «корзины репатриации».

«В течение первых шести месяцев вам будут перечисляться на ваш счет в банке ежемесячные платежи, — сказал представитель «Сохнут». — Денег немного, но на самое необходимое хватит. В течение этих шести месяцев вы должны выучить язык и устроится на работу».

«Все, как в сказке, — думал Вадим. — Хоть здесь без обмана».

— С тебя восемьсот сорок шекелей, — вернул его на грешную землю Миша.

— За что? — возмутился Вадик.

— Как за что? Двести долларов мы отдали раввину, десять долларов за очки и шляпу, плюс проценты — всего двести восемьдесят два доллара. По курсу восемьсот сорок шекелей.

— Так ты обещал двести баксов у раввина обратно забрать, — вспомнил Вадим.

— Ага! Заберешь у него! Там еврейский обратный клапан стоит. Я на него наехал. Он тут же в ментовку пообещал заявить. А мне надо, чтоб меня перед отъездом менты трясли? Так что вот твоя расписка, с тебя 840 шекелей.

Делать было нечего, и Вадим отдал Мише долг. Это было почти все, что он получил от «Сохнут». Благо, отец перед отъездом сжалился и выдал из семейных резервов Вадиму целую тысячу долларов.

Получив деньги, Мишка сразу повеселел и вызвался отвезти их в кибуц. Бабушка Рита заранее списалась со своей подружкой и в кибуце их уже ждали. У Миши была маленькая машина, которую он взял в прокат, он довольно уверенно рулил по сложным израильским развязкам. До кибуца было больше часа езды.

По дороге Миша без умолку болтал, рассказывая про свою жизнь в Израиле:

«Здесь все очень дорого, раза в три дороже, чем в России. Мы сняли двухкомнатную квартирку в Тель-Авиве и платим почти пятьсот долларов в месяц. На работе, конечно, платят хорошо, но хорошую работу найти сложно. Если языка не знаешь и связей нет, то только машины возьмут мыть или посуду в ресторане. Мы пока продлили визу, но репатриантами нас так и не признали. Представляешь, здесь не берут взятки! Вообще не берут! Папа говорит — валить обратно в Россию надо. В Америку на ПМЖ потом будем уезжать, у нас там родственники есть. Обещают вызов сделать и с работой помочь. Там с этим проще. И вообще, жара эта надоела. За месяц ни одного дождя».

На въезде в кибуц их встретили два охранника в военной форме с автоматами. Вообще Вадика поразило большое количество молодых людей с автоматами в военной форме и даже в штатской одежде, но тоже с оружием, среди них было много девушек.

«Сегодня суббота — шаббат, некоторых солдат отпускают домой в увольнение. При этом они берут с собой оружие, о военной угрозе здесь помнят постоянно», — пояснил Миша.

Охранники долго проверяли документы, куда-то звонили и, наконец, пропустили Мишину машину. В административном здании их приветливо встретила пожилая русскоговорящая женщина. Удостоверившись,

что все в порядке, Мишка покинул их, не преминув содрать еще 40 шекелей за бензин.

Мирьям, так звали администратора, проводила их в крохотную квартирку в белом двухэтажном домике. Квартирка была маленькая, но вполне уютная и полностью приспособленная для жилья. Две небольшие комнаты, крохотная кухня, душевая кабина вместо ванной, простая, выдавшая виды мебель. К их приезду все подготовили — чистое белье, полотенца, в холодильнике фрукты, сыр и даже бутылка вина.

«Ну что ж, золотых гор нет, но жить можно», — подумал Вадик.

Вечером устроили домашний праздничный ужин. В гости пришла знакомая Риты по питерской еврейской общине. Она и рассказала про жизнь в кибуце.

Огороженная большая территория тщательно охраняется. В двухэтажных домиках проживает почти две тысячи человек. Много выходцев из бывшего Советского Союза. Большая столовая, где всех бесплатно сытно и вкусно кормят. Все, что нужно для жизни, находится прямо на территории: кинотеатр, небольшой бассейн, магазин, детский садик, школа, клуб, спортзал. Работают почти все на ближайшем поле, выращивают клубнику, киви, овощи. Есть еще и ферма с коровами. Свое молоко, сыр, сметана. Работают все там, куда руководство поставит. Вновь прибывшие репатрианты первые шесть месяцев работают по четыре часа в день, потом по восемь, а то и по десять. Выходной — суббота. Для вновь прибывших — специальная школа по обучению языку. Занятия бесплатные. Вообще все бесплатно, но зарплату никто не получает, все уходит в общую кассу, выдают только небольшие суммы на карманные расходы. Ежемесячные подъемные репатриантам от «Сохнут» тоже надо сдавать в кассу.

«Что-то среднее между колхозом и пионерским лагерем, — думал Вадик. — На коммунизм не тянут. Там от всех по способностям, всем по потребностям. А до потребностей тут, как до Луны. На социализм тоже не похоже — там все по труду, а здесь все деньги забирают, как бы ты не работал, в одной кормушке есть будешь. В общем коммуна есть, а коммунизма нет и не предвидится».

— Ну и как? Долго здесь живут? — спросил Вадим.

— Некоторые — только первое время после приезда, язык выучат и уходят. Некоторые остаются на всю жизнь. Здесь свой защищенный мир. Если заболеешь — любое лечение оплатят, образование за счет кассы кибуца, есть и другие льготы. Конечно, работать надо, но работать в Израиле надо везде.

— Но коммуна — это как-то не по-еврейски, — выразил свои сомнения Вадик.

— Наоборот, — возразила подруга Риты, — прародитель коммунизма Карл Маркс по национальности именно еврей, даже отец у него был раввином, и лишь потом принял христианство.

«Ну да, но жил-то он за счет Фридриха Энгельса и никогда толком не работал, а тут пахать придется», — подумал Вадим.

Прошло два месяца жизни Вадима и Риты в Израиле. Еврейство давалось Вадиму очень тяжело. Работа в душной теплице за четыре часа изматывала так, что на учебу не оставалось никаких сил. Иврит никак не лез в голову. Особенно он ненавидел дни, когда выпадало дежурство на кухне. Огромные вонючие котлы, горы грязной посуды, и все это надо вычистить, вымыть, сложить. После работы он просто падал. Еще выматывала жара. Казалось, что после дождливого

холодного питерского климата организм должен радоваться теплу, но жаркое солнце радует, когда отдыхаешь у моря, а если при этом требуется работать, то хочется наоборот прохлады и дождика. Если бы не бабушка Рита, он бы давно сломался и сбежал из кибуца. Рита же творила чудеса, поражая работоспособностью и терпением. Казалось, ей все нипочем. Она легко, с удовольствием собирала клубнику, высаживала рассаду или полола овощные грядки. Язык ей давался легко, она уже запросто объяснялась на иврите в столовой и на работе. Вечерами Рита ходила в клуб, где они с подружками создали хор и пели еврейские и русские песни. В выходные Вадим с Ритой на автобусе кибуца ездили купаться на море или на экскурсии в Иерусалим и Тель-Авив.

Иерусалим поразил его тяжелой атмосферой вековой ненависти.

«Сколько крови пролито за эту «святую» землю и сколько еще будет пролито, — думал он. — А «святая» земля — всего лишь сплошная каменная пустыня, на которой, чтобы что-то выросло, надо столько приложить сил, что просто страшно».

Невольно Вадим иногда сравнивал Израиль с побережьем Крыма или Кавказа, куда его возили на море в детстве родители. Вот где святая земля, — и море, и солнце, и дождь, и всего в меру. Все само растет, все зеленое, только посади. Вот где прекрасные парки, скверы, зеленые горы. А здесь ведь сплошные камни и песок, но даже на этих камнях люди умудряются выращивать по три урожая клубники в год.

Еще его поразили евреи-ортодоксы. Несмотря на жару, мужчины всегда были в шляпах и длинных черных сюртуках, женщины в черных платьях и чулках. По словам экскурсовода, их вера запрещает им работать и воевать,

они всю жизнь только молятся, а государство платит им за это пособие. И таких верующих лоботрясов в стране огромное множество. Каждый восьмой житель страны сидит на шее государства. И при всем этом, непрерывно воюющая страна умудряется жить и быстро развиваться. По словам гида, когда в парламенте поставили вопрос о том, что пора прекратить содержать ортодоксов, то их представитель заявил, что страна только потому так удачно воюет и хорошо живет, что ортодоксы каждый день усердно об этом молятся. Возразить было нечего, а вдруг это на самом деле так и на все воля Всевышнего.

Евреи со всего мира приезжают в Израиль, остаются здесь навсегда, любят эту страну и готовы воевать за нее со всем огромным арабским миром. Наверное, надо действительно быть евреем и кожей чувствовать себя частью многострадального и вечно гонимого народа, чтобы полюбить эту страну.

Вадим же русский и в душе, и по характеру, ему в этом, не всегда понятном мире, было явно не по себе. Он хотел домой, в Питер, с его вечными дождями и сырым ветром с Невы, к удобному письменному столу с зеленым абажуром, и даже к паяльнику в лаборатории у отца. Он долго стоял у Стены плача в Иерусалиме и потом написал в записке всего два слова: «Хочу домой». Написал на русском, английском и иврите. Кто его знает, к кому эта записка там, на небесах, попадет.

Как-то после работы Вадим нашел у себя повестку на медицинскую комиссию в местный военкомат. С легкой душой, прихватив все свои питерские справки об имеющихся болезнях и свой российский белый билет, он пришел на комиссию. Русскоязычный военврач сразу отодвинул все его справки в сторону и сказал, что в Израиле самая передовая в мире медицина, и всякие написанные здесь болезни, если они и есть, быстро

вылечат. А плоскостопие в израильской армии вообще не в счет, так как в этом случае ему выдадут специальные, очень удобные ботинки, в которых он прекрасно прослужит все три года. Еще он сказал, что служба в армии Израиля — почетный долг каждого гражданина государства, где бы он ни проживал. В армии служат все, даже девушки, и там Вадиму будет хорошо.

Вадим готов был поверить военврачу, но в армию все равно почему-то не хотел. В общем, пора было валить обратно в Россию. Вечером он рассказал все бабушке Рите и предложил ей втихую собирать вещи. К его удивлению, Рита категорически отказалась.

— Я еврейка! И мое место здесь, на исторической родине! — гордо сказала она. — А тебе надо пойти в армию. Получил подъемные — будь добр, отдай долг! В Израиле в армии хорошо кормят и, наконец, мужчиной станешь!!

— Но здесь в армии стреляют, и иногда в тебя! — возразил Вадик.

— Молится надо, и Бог услышит твои молитвы, — неожиданно ответила некогда закоренелая коммунистка Рита.

«Все, хана, у Риты крыша совсем поехала», — решил Вадик и пошел на переговорный пункт звонить родителям, просить подмоги. Семейный совет длился неделю. Мама плакала, отец ругался, Рита упиралась. Наконец, нашли компромисс. Вадика надо ехать домой, Рита остается на зиму. Потом от летней израильской жары приедет в Питер, а там видно будет.

Вадик посчитал выданные ранее подъемные и ужаснулся. В заначке у него оставалось 500 долларов от отцовских, но этих денег явно не хватало, чтобы вернуть долг Израилю, а еще ведь нужен билет до Питера. Снова просить денег у отца Вадик не решился. Итак, оставалось

только сбежать, по-английски, не прощаясь. Но как? В выходной он приехал в ближайший городок и зашел в туристическое агентство.

Милая русскоговорящая девушка быстро разъяснила ему его положение.

«В Россию в нашем аэропорту вас точно не выпустят — в вашем временном паспорте стоит специальная отметка. Гражданства израильского пока нет, а значит, путь в Европу и Америку тоже закрыт, визу не получить».

«Все, конец», — понял Вадим. Воображение рисовало страшные картины. Вот он ползет по пустыне, перелезает через колючую проволоку на границе, и тут в него стреляют, как в лазутчика, и он замертво падает лицом в горячий песок. Или он на надувной лодке плывет по Средиземному морю, и огромные акулы вьются вокруг него, переворачивают лодку и начинают жадно рвать его беззащитное тело.

На землю его вернула та же милая девушка:

«Вы не расстраивайтесь так. Есть один выход. Турция, как страна с упрощенным визовым режимом, принимает всех. Я могу продать вам двухдневный тур в Стамбул. А там вы по российскому паспорту купите билет в Россию, и все. Туркам все равно. В России на границе могут быть проблемы, но не вернут же вас обратно. Тур групповой. Обратный билет из Стамбула в Израиль пропадет, но это неизбежные потери. К тому же тур совсем недорогой».

Говоря это, девушка хитро улыбалась, было видно, что Вадик не первый обращается к ней с такой просьбой, и схема давно отработана.

«Беру!» — обрадовано сказал Вадик и выложил за свой шанс вернуться на Родину почти половину оставшихся денег.

Милая девушка тут же забронировала ему и авиабилет из Стамбула в Петербург на нужную дату. Все было

готово. В означенный в путевке день Вадик рано утром поцеловал спящую Риту, написал короткую записку, что уехал на несколько дней, собрал в сумку самые необходимые вещи и покатил на автобусе в Тель-Авив.

Пограничник в аэропорту Бен-Гурион долго рассматривал временный паспорт Вадика, задавал разные вопросы, но все же поставил печать и открыл барьерную планку. По прилету в Стамбул турецкий пограничник вообще без единого вопроса запустил Вадика в свою страну.

Самолет в Питер вылетал на следующий день, и Вадим еще успел с группой покататься на автобусе по городу, побродить по вечернему Стамбулу. Отель был дешевый, грязноватый, но это не испортило Вадика настроения. На душе было светло и радостно, — завтра он будет дома!

На следующий день утром он покинул отель, до самолета оставалось еще время, билет у него забронирован, и он решил спокойно позавтракать в ближайшем кафе. Яичница и огромная литровая кружка пива, которую официант называл по-русски «бомба», привели его в прекрасное расположение духа. Он любил всех: этот огромный грязноватый город, официанта, рабочих-турок, сидящих за соседним столиком, и даже столь ненавистный еще недавно израильский кибуц. Сейчас его израильская жизнь казалась ему просто веселым приключением. Ведь все позади! Скоро домой! Вадим полез за кошельком, чтобы рассчитаться, но... кошелька в кармане не было. Оба паспорта, израильский и российский были, обратный билет в Израиль был, а кошелька с деньгами не было. Вадик обшарил все карманы, затем залез в сумку и перетряхнул все вещи. Кошелька не было, не было и все...

«Меня обокрали, — сказал Вадим подошедшему официанту, — у меня украли все деньги! Вызовите полицию! Ну мани!»

Официант сделал каменное лицо и исчез. Через несколько минут он появился с толстым усатым турком, который, похоже, был хозяином кафе. Хозяин немного понимал по-русски. Выслушав сбивчивое объяснение Вадима, он с сожалением покачал головой.

— Вам надо в полицию, но не здесь, а там, в отеле — на ломанном русском сказал он. Хозяин явно не хотел вызывать полицию в кафе. Ему не нужны были неприятности. Он сам принес еще одну огромную кружку пива и сказал:

— Денег не надо, полиции не надо!

Вадим махом проглотил кружку, встал и побрел куда глаза глядят. Он понимал, что в отель возвращаться бесполезно, в полицию сообщать бесполезно, никто ему денег не вернет. Единственный путь — обратно в Израиль. А там кибуц, жара, вонючие котлы, армия, пустыня. Хотелось плакать, рыдать, кричать... А ведь Родина, любимый Питер уже так близко.

Две огромные кружки пива сделали свое дело, его слегка покачивало, и он не очень понимал, куда бредет. Очнулся Вадик перед входом в небольшую мечеть.

«Молиться надо, и Бог услышит твои молитвы», — вспомнил он слова бабушки Риты.

Зашел вовнутрь, упал на колени, стукнулся лбом об пол и принялся молиться. Из мусульманских молитв он знал только одну фразу «Аллах Акбар». Все остальное говорил по-русски, справедливо полагая, что иврит здесь не уместен.

— Какие проблемы, братан? — услышал он вдруг голос сверху.

— Бог услышал меня, — Вадик ощутил в душе надежду.

— Домой хочу! Домой! — заорал он громко, вознес руки к небу и опять согнулся, коснувшись лбом пола.

— Да встань ты с колен! Какого хрена тут скрючился? — услышал он голос сверху и поднял, наконец, голову. Над ним стояли два здоровенных краснолицых парня явно славянской внешности.

Через несколько минут Вадим уже сидел с ними в ближайшем кафе. Пил очередную «бомбу» и рассказывал свою грустную историю. Парни оказались челноками из Ростова, приехали в Стамбул на пароме из Новороссийска за товаром, а в мечеть забрели случайно поглазеть на мусульманство.

Вадим, конечно, слегка приукрасил свое путешествие. Из его рассказа получалось, что бабушка Рита попала в сионистские сети, а он самоотверженно поехал ее выручать. Из Израиля его проклятые евреи не выпускали и под угрозой смерти требовали, чтобы он пошел воевать против арабов. Про подъемные и свое собственное желание откосить от армии он благоразумно умолчал.

— А в мечети ты что делал? — спросил Василий.

— Да так, Богу молился, чтоб помог. Бог ведь один, — отвечал Вадик.

— Ну не скажи, — у нас Бог с крестом, а у них с серпом по яйцам — смеялся Вася. Он, видимо, имел в виду полумесяц и звезду на турецком флаге.

— Слушай, а может ты того, тоже мусульманин, или, того хуже, еврей, — грозно спросил второй краснолицый, который при знакомстве протянул ему свою огромную руку и сказал, — зови меня просто, Вован.

— Да русский я, православный, в Саратове священник, дедов брат, меня крестил, и фамилия у меня Царедворский, — при этих словах Вадим вытащил из кармана паспорт.

— Ксиву любую сделать можно, — резонно заметил Вован. — Ты вот штаны сыми, там и поглядим.

— Да не трогай ты парня, русский он. Русский. Нос картошкой и глаза раскосые, — смеясь, сказал Василий.

На этот раз по поводу носа Вадим не возражал.

— Эко тебя евреи достали, что в мечети лбом о грязный пол стучаться стал, мы думали падучая какая. А ты это, значит, молился так, — почесал затылок Вован.

— В общем, так, — прервал расспросы Вася. — Денег у нас тоже нет, все на товар уже потратили. Но своих не бросаем, не приучены. А потому, значит, пойдешь с нами. Мы тебя протащим в порт на корабль. Поплывешь в Новороссийск, а там разберемся. У тебя паспорт российский действующий?

— Конечно, — кивнул Вадим.

— Ну, значит, говно-вопрос! — подвел итог Вован.

— Спасибо, мужики. Век не забуду! — пьяно со слезами на глазах сказал Вадим, снял с руки позолоченные часы, подарок отца за поступление в институт, и протянул их парням.

— Возьмите — это все, что у меня есть!

— Ты совсем в своем Израиле охренел, — зло зарычал Вован. — Это сейчас мы от плохой жизни торгашами стали. А вообще-то мы донские казаки в пятом поколении! Убери. А то передумаем!

Турецкий погранец на входе в таможенную зону морвокзала лениво, без интереса, посмотрел на трех пьяных русских парней и пропустил их через ворота, даже не заглянув вовнутрь паспортов. При входе на корабль вообще никого не было. Троица забралась в тесную каюту, и Вован сразу разлил по стаканам припасенную на дорожку бутылку «Смирновской». Через некоторое время паром прогудел на прощание и покинул турецкий порт.

«Не нужен нам берег турецкий, чужая земля не нужна!»
— хором пела пьяная троица.

Впереди была Родина! Россия!

Но не бывает все в жизни гладко и хорошо. В открытом море изрядно штормило, на Вадима напала морская болезнь. Его крутило, мутило, трясло и выворачивало. Пока Вася и Вован спокойно распивали водочку в каюте, Вадик почти все время проводил в гальюне.

«От морской болезни лучшее лекарство — это водка», — встречал его из гальюна Вася и подавал очередной стакан.

Вадик послушно выпивал и через несколько минут опять бежал в гальюн. В один из своих походов он вдруг вспомнил тот холодный клозет в Саратове и свое огромное желание уехать в теплый солнечный Израиль. Получалось, что путь на «землю обетованную» и путь назад, на родимую свою сторонущу, прошли через одно место. И место это — совсем не романтическое, — сортир, он и есть сортир!

В этом пьяный Вадик усмотрел сермяжную правду жизни, но быстро об этом забыл.

Выходя в очередной раз из гальюна, Вадик обнаружил, что его приятели мирно спят. Место в крохотной каюте оставалось только на полу между койками. Ложиться на пол сильно не хотелось, и Вадим решил сначала прогуляться по палубе.

На палубе дул холодный ветер. Тоненькую курточку продувало насквозь. Больше всего на свете он хотел оказаться сейчас дома в теплой питерской квартире у мамы и выпить горячего чая. В таком состоянии и застала его Большая Лена.

Лет сорока, пышногрудая и крупнозадая, Лена занималась челночным бизнесом давно и очень даже в нем преуспела. Она имела несколько магазинчиков, сама

уже не таскала мешки со шмутками и ездила в Турцию исключительно для заключения новых договоров и собственного удовольствия. Потеряв недавно на крутых житейских просторах очередного мужа, Лена находилась в активном поиске. В баре теплохода свободных мужчин не оказалось, и Лена, изрядно махнув коньяку, вышла прогуляться на палубу. Здесь и попался ей на глаза Вадик.

«Плохенький, но все равно мужичок», — решила Лена и стремительно пошла в атаку. Вадик особо не сопротивлялся и через десять минут они пили чай с коньяком в ее каюте-люкс, а еще через час голова Вадима уже покоилась между большими грудями Лены. В этот тяжелый день мужские силы оставили Вадика быстро, и он вскоре тихо заснул, несмотря на потуги партнерши продолжить сексуальное знакомство. Перед сном Вадим почему-то вспомнил слова из старой известной песни:

«И Родина щедро поила меня березовым соком, березовым соком...»

Весь следующий день Большая Лена не выпускала нового кавалера из своих объятий. Официанты из ресторана все носили и носили в каюту-люкс шампанское, коньяк, фрукты и разнообразные закуски. Это был настоящий праздник души, тела и желудка. Только вечером Лена вывела своего кавалера на ужин в ресторан. Вован и Вася встретили Вадика радостными возгласами:

— Мы уж грешным делом подумали, что тебя волной смыло, а ты вон как пристроился!

— Нет! Все-таки он еврей. Надо было тогда в Турции штаны с него снять, — проворчал Вован, но было видно, что он рад видеть Вадима целым и невредимым.

На этот раз челночная братия гуляла в ресторане до ночи с песнями и танцами. Многие из пассажиров знали

друг друга по прежним рейсам. Невероятная история Вадика быстро разошлась среди попутчиков, и Вадим получил прозвище Внучок. Выпить с Внучком хотели многие, и Вадик опять накачался. Бдительная Лена вовремя подхватила его и увела в свою каюту.

Новороссийский порт встретил теплоход ярким весенним солнцем и спокойным морем. Осталось пройти паспортный контроль и... Здравствуй родная земля! Суровый российский пограничник привычно стучал печатью, не задерживая знакомых ему челноков. Пролистывая паспорт Вадика, он уже тоже было хотел поставить печать, но что-то привлекло его внимание.

— Интересно. А как вы умудрились несколько месяцев назад выехать из страны в Израиль, а вернуться из Турции? При этом, отметок о выезде из Израиля и въезде в Турцию у вас в паспорте нет. Вы что, нелегально переходили границу? — удивленно спросил пограничник.

Вадик молчал. Показывать второй израильский паспорт не хотелось. Обстановка накалялась.

— Пропустите его. Он же наш, русский, — загудела толпа, но погранец вернул паспорт и показал на соседнюю дверь.

— К начальнику, пусть он решит.

Вадик побелел и задрожал всем телом, ноги подкосились. А вдруг Родина не пустит обратно своего блудного сына?

Тогда Большая Лена взяла у него паспорт, расстегнула верхнюю пуговичку блузки, повела грудями и широким шагом вошла в указанную дверь.

Минут через десять Лена с победным видом вышла из комнаты.

«Мал золотник, да дорог», — сказала она, засовывая в сумку кошелек. Было понятно, что одного вида Лениных

прелестей оказалось недостаточно и пришлось добавить деньгами.

Пограничник молча поставил в паспорт Вадика печать.

Впереди была свобода!

Большую Лену в Новороссийске встречал сильно потрепанный, но настоящий «Мерседес» с водителем. Вася с Вованом на прощание долго жали Вадиму руку и говорили:

«Ну, ты если в Ростове будешь, обращайся. А бабушку выкупать надо, у них там, у евреев этих, иначе никак».

Большая Лена купила Вадика билет на поезд. На прощание она обняла «Внучка», прижала к своей необъятной груди и твердо пообещала в ближайшее время приехать в Петербург в гости.

Питер встречал Вадика дождем и мамиными слезами.

После приезда Вадик часто по утрам уходил из дома и часами просто бродил по улицам. Великий город благосклонно принял обратно блудного сына. Стояли прекрасные весенние, все еще прохладные, но солнечные дни. Вадим любовался красавицей Невой, гладил мраморные плиты набережной, тихонько разговаривал с каменными львами. Он заново открыл для себя Петербург – гордый красивый, царственный, исконно русский с богатейшей историей город. Израиль со своей непрерывной жарой, кибуцем и грязными котлами казался далеким ужасным приключением.

В первый же день он пришел в Казанский собор, накопил свечей и поставил перед каждой иконой. Он благодарил Бога за свое возвращение.

«Все-таки я русский и это моя страна, мой любимый город, - думал Вадик. А все трудности временные, они пройдут, все уляжется. Великая страна встанет с колен, и ее люди тоже будут жить богато и счастливо».

Через месяц «на побывку» приехала помолодевшая, загоревшая на южном солнышке бабушка. Кибуц простил ей бегство «нерадивого внука» и даже оплатил дорогу.

«Оказывается, в Израиле живет много хороших людей, наших, из России и бывших республик Союза, - говорила она отцу Вадика. — Так получилось, что они вынуждены были туда уехать, но они не предатели Родины. Бог един, и он создал этот мир для всех людей независимо от веры и национальности. Я летом буду жить здесь на даче, а зимой в Израиле. Я теперь имею сразу две национальности. Зимой, значит, я - еврейка, а летом – русская», — смеялась она.

Жизнь пошла своим чередом. Осенью Вадим продолжил учебу в институте. На этот раз он усердно посещал все лекции и корпел дома над конспектами. По сравнению с работой в кибуце, учеба казалась ему раем земным, а институт родным домом. Свою мечту стать писателем он не забыл, а только отодвинул на время.

«В конце концов, многие известные сейчас люди заканчивали самые разные вузы, а только потом стали писателями. Самое главное, что я живу в культурной столице великой страны, которая воспитала не одного литературного гения. А это значит, что и моя мечта обязательно сбудется», — думал он.

Как-то, загрустив, он достал с полки роман о жизни интеллигенции со своими продворянскими правками. После всего пережитого роман показался ему скучным и совсем не жизненным. Вадик снова засел за рукопись. Писал он почти год, урывками, и вот... «Первая премия в конкурсе «Острое перо» присуждается молодому автору Вадиму Царедворскому за сборник юмористических рассказов «Путешествие дворянина в еврейство», — торжественно объявил ведущий. Красивая длинноногая девушка вручила Вадиму изящную статуэтку и даже

позволила себя поцеловать. Вадим сиял от счастья. Сбылась его мечта!

Он и не догадывался, что это Доллар, тот самый Магический доллар выполнил его второе заветное желание, загаданное на верхней полке поезда «Саратов — Петербург».

Ну а Доллар, неуловимый Магический доллар исполнения желаний, с числами 13 на лицевой стороне купюры, продолжал свое путешествие по огромной стране под названием Россия. Видимо, он твердо решил, что ее многострадальный народ достоин того, чтобы иногда самые неожиданные желания исполнялись.

Торжествуй, Россия!